

МАЛЬТІЙСКІЙ
Р Ы Ц А Р Ъ.

Англинскій Романъ,
сочиненіе
Миссѣ П О Р Т Е Р Ъ.

Переводъ съ Французскаго
Г. Трескина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О Р Е Л Ъ.

Въ Типографіи Сыпина.
1823.

Печатать позволяется съ
тѣмъ, чтобы по напечатаніи,
до выпуска изъ Типографіи,
представлены были въ Цензур-
ной Комитетъ: одинъ экзем-
пляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Де-
партамента Министѣрства
Просвѣщенія, два экземпляра
для Императорской Пуб-
личной Библіотеки и одинъ для
Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1821 года,
Сентября 19 дня. Сію рукопись
разсматривалъ Ординарный
Профессоръ, Коллежскій Со-
вѣтникъ.

Тимоѳей Перелогоевъ.

МАЛЬТІЙСКІЙ РЫЦАРЬ.

Г Л А В А I.

Непріятель не удовольствова-
вался симъ безуспѣшнымъ при-
ступомъ къ полисадамъ; но
щещно однако же перемѣнялъ
онъ образъ нападенія, — употре-
бляя то корабли свои, — то
воинскія машины: Христіане
побѣждали всѣ его хитроснѣи.
Наконецъ Мустафа принуж-
денъ былъ отъ того отка-
заться, — и не сомнѣваясь въ
побѣдѣ, если обратитъ всѣ си-
лы свои къ одному пункту,
рѣшился цѣлою арміею атако-
вать островъ де ла Сангль.

Къ нему присоединилось подкрѣпленіе изъ 6000 человекъ, подѣ начальствомъ Гассана Алжирскаго; — сей послѣдній не испытавшій еще острей мечей рыцарскихъ, издѣвался надъ романическою ихъ храбростію, убѣждая Мустафу напасть на нихъ не теряя времени.

Такимъ образомъ невѣрные приготовлялись къ повсемѣстному приступу; — а Христіане усугубили дѣятельность къ умноженію оборонительныхъ линій, чѣмъ быть въ готовности на всѣ опасности. Цезарь съ спокойнымъ духомъ ожидалъ сраженія. Онъ желалъ умереть, — но умереть со славою; почему, видя приближеніе сей минуты съ сердцемъ наскучившимъ свѣтомъ, онъ молился внутренно о сохраненіи Толеда.

Невозможно было, щобъ чувствительная душа Цезаря не принимала участія въ предметахъ, которые и въ щастливѣйшіе дни обраптили бы на себя ея вниманіе. Съ горестными предчувствіями взиралъ онъ на Толеда и на его супругу, — и сіи предчувствія усугубляя его задумчивость, производили въ немъ сладостную симпатію. Соединеніе героизма и чувствительности, которое онъ примѣчалъ въ Камиллѣ, имѣло въ глазахъ его неизъяснимую прелесть. Въ самомъ дѣлѣ, не взирая на боязнь, какую ощущала сія нѣжная супруга при видѣ храбости Донъ Феликса, она никогда оной не показывала, и не старалась внушать ему робости, въ которой онъ могъ бы въ послѣдствіи раскаяваться, не потому

Мал. Рыц. Ч. IV. А 2.

му, чтобъ слава Донъ Феликса была для нее дороже спокойствія ; но поному, что она не хотѣла лишитъ его почтенія къ самому себѣ, — и рѣшилась никогда не требовать отъ него поступковъ, противныхъ разуму, или принятымъ имъ правиламъ, хотя бы то сдѣлалось для нее даже источникомъ горести.—Правила супруга — были для Камиллы непремѣнными законами, опредѣленными для нее судьбою.—Когда трепещущими руками она надѣвала на него латы, то какъ бы ни было сильно движеніе ощущаемое ею въ сердцѣ, — но никогда не старалась она удерживать супруга своего отъ исполненія его должности, — и распаваясь съ нимъ только лишь обнимала его съ вѣжностію и благословляла.

Случалось, что Цезарь забывалъ невозвратныя пошері опща и друга, стараясь успокоить Камиллу, копорая одному ему только ввѣряла свои опасенія. Онъ любилъ ее какъ сестру и чувствовалъ, что если Толедъ долженъ былъ погибнуть: то онъ пожелалъ бы жить единственно для того только, чшобъ покровительствовать его супругѣ и младенцу, коимъ она была беременна.

Таковы были его чувствованія, когда въ одну ночь, утомленный послѣ вылазки, онъ примѣшилъ, осматривая нѣкоторыя посты, свѣдженіемъ удовольствія и безпокойства, что непріятель приготовлялся къ жестокому — нечаянному нападению. Онъ поклялся Толеду шопчасъ его увѣдомить, если узнаетъ о времени онаго. По-

чему и поспѣшилъ возвратиться въ домъ своего друга.

Вошедши въ комнату, Цезарь остановился на минуту, чтобы взглянуть на сцену предсказавшуюся его взорамъ. Свѣтъ лампы ударялъ прямо на то мѣсто, гдѣ находились супруги. Камилла сидѣла на низенькомъ диванѣ, поддерживая на колѣняхъ своихъ голову спящаго Донъ Феликса, который скинулъ часть рыцарскихъ доспѣховъ. Мужественная фигура его весьма различествовала съ нѣжными и прелестными и легкою одеждою его супруги. Сіе различіе еще было замѣннѣе при взглядѣ на прелестное лице Камиллы, блиставшее цвѣтомъ юности и выраженіями нѣжнѣйшей любви, — и на смуглую фizioномію Толеда, погруженнаго въ

глубокомъ снѣ. Однако же на успахъ его примѣтна была улыбка — столь кроткая и пріятная, что лице его казалось, какъ бы отраженіемъ лица Камиллы.

Отъ шуму, сдѣланнаго Цезаремъ при вхождѣ, Камилла вздрогнула и живѣйшій румянецъ разлился на щекахъ ея; она сдѣлала слабое движеніе, какъ бы желая освободиться отъ спящаго супруга; но стараясь припомъ не разбудить его.

„Онъ такъ былъ утомленъ,“ сказала Камилла съ замѣшательствомъ потупивъ глаза, какъ бы извиняясь въ томъ, что не могла рѣшиться пожертвовать отдохновеніемъ мужа долгу приличія. — Сія прелестная стыдливость и нѣжность къ супругу, которой

она уступила, не избѣгли отъ примѣчанія Цезаря. Онъ приближился почти шельно. Опасаясь внушить ей боязнь, если разбудивъ Толеда обыкновеннымъ образомъ, — взялъ люпню на сполъ лежавшую, и привѣспивуя Камиллу, сдѣлалъ на оной нѣсколько звучныхъ акордовъ.

Толеда потчасъ проснулся, и отпыравъ глаза примѣнилъ Цезаря спокойно подлѣ себя сидящаго. Привыкнувъ къ короткому его обхожденію, и чувствуя усталость онъ пропѣнулъ къ нему руку не перемѣняя положенія. Потомъ просилъ жену свою опять запѣть тотъ романсъ, который она сей часъ кончила. Камилла повиновалась и пѣла съ большимъ чувствомъ. Толеда однимъ взоромъ извѣявилъ ей свою призна-

тельность; но Цезарь видя взаимную ихъ другъ къ другу нѣжность, не могъ удержатъ въздыху, вырвавшася такъ сказать изъ груди его. Донъ Феликсъ услышалъ оный, обратилъ испытующій взоръ на друга своего, прочелъ на лицѣ его то, что происходило въ душѣ, и вспавая поспѣшно воскликнулъ:

„Вижу, что мы не должны нынѣшнею ночью предаваться спокойствію! — Съ которой стороны будемъ приступъ? — Милая Камилла, подай мнѣ мое легкое вооруженіе.“

Камилла съ трепетомъ исполняла сіе приказаніе, а между тѣмъ Цезарь увѣдомилъ Донъ Феликса, что по всей вѣроятности непріятель намѣренъ былъ въ снѣ атаку со

стороны Шпоры Свят. Михаила.

Толеда взяла к и р а с у из рук жены своей и, взглянув на нее с восхищеніемъ, просилъ быть мужественною; сдѣлавъ замѣчаніе, что чѣмъ чаще невѣрные будутъ дѣлать приступы, тѣмъ скорѣе Христіане побѣдятъ ихъ.

„Съ которой стороны сего дня приступъ?“ спросила Камилла, стараясь перемѣнить въ спокойствіе боязнь, отъ которой блѣднѣла и трепетала.

„У Шпоры, моя милая,“ отвѣчалъ ей мужъ; „нападеніе будетъ еще на разсвѣтѣ; но мнѣ сей часъ надобно идти туда, а не то...“

К а м и л л а опустила руку Донъ Феликса, которую взяла было въ дрожащія свои руки и, смотря на него сквозь слезы,

єѣ выраженіємъ любви и покорности, произнесла слова єіи:

„Иди . . . иди, Донѣ Феликсѣ! твоя должность того потребуєтѣ, а я буду имѣть силу за тебя молишься!“

Толеда нѣсколько разѣ молча прижалѣ ее къ груди своей; но за то сердце его, — глаза, — голосѣ — всѣо выражало нѣжнѣйшую любовь. Наконецѣ, веселымъ тономъ и смѣясь надѣ собственною слабостію, — онѣ припомнилѣ ей, сколько разѣ бывалѣ на сраженіяхѣ и возвращался всегда невредимымѣ. Тутѣ поцѣловалѣ Камиллу въ послѣдній разѣ, Донѣ Феликсѣ єѣ благочестіємъ благословилѣ ее и вырвался изѣ ея объятій. Блѣднѣя, — трепеща, — но не проливѣ ни одной слезы, Камилла взяла руку Цезаря и

Мал. Рыц. Ч. IV. Б

спросила его тихимъ голосомъ: не было ли какой опасности во время ночи?

„Ничего не могу сказать вамъ достовѣрнаго, отвѣчалъ онъ, но клянусь, что то желѣзо, которое достигнетъ Толедѣ, пронзитъ прежде мою собственную грудь!“ Сказавъ сіи слова, онъ поцѣловалъ руку Камиллы, взглянулъ на нее — и удалился.

Христиане не ошиблись въ своемъ заключеніи. Съ разсвѣтомъ открылось странное и вмѣстѣ грозное зрѣлище: многочисленная флотилія шлюпокъ, которыя перетащены были сужимъ путемъ, занимала всю пространство главной гавани, и приближалась къ полисадамъ и Шпорѣ при звукѣ инструментовъ и нестройномъ пѣніи Имановъ и Дервишей; между

тѣмъ, какъ Гассанъ съ избран-
ными изъ свѣжаго войска, по-
добно быспрому источнику,
дѣлалъ высадку къ городскимъ
улицамъ, которые весьма были
опустошены огнемъ прошед-
шихъ дней. Такимъ образомъ
полуостровъ находился между
двухъ огней, и казалось неиз-
бѣжная гибель угрожала всѣмъ
на ономъ бывшимъ.

Однако же осажденные ни-
мало не устращаясь соображе-
ніями обыкновеннаго благора-
зумія, раздѣлились на всѣ пунк-
ты; противуполагая малое чи-
сло непобѣдимыхъ духомъ —
цѣлымъ арміямъ, коихъ вся си-
ла состояла только въ физи-
ческой храбрости. Самая опа-
сность усугубляла мужество
Христіанъ. Они напали на не-
пріятеля между полисадовъ, на
моръ, на городскихъ укрѣпле-

ніяхъ и на батареяхъ свяаго
 Михаила съ такою дерзостію,
 копорая удивляла и вмѣстѣ
 наводила трепетъ на ихъ про-
 шивниковъ. Иногда, палимые
 солнечнымъ зноемъ и угнетае-
 мые множествомъ, они на ми-
 нуту опшступали и оставля-
 ли ряды свои; — но вскорѣ воз-
 вращались одушевленные новою
 храбростію, и низвергали не-
 вѣрныхъ съ высоты укрѣпле-
 ній. Невозможно было изчи-
 слишь, сколько разъ одно и то
 же знамя переходило попере-
 мѣнно изъ рукъ Турокъ въ ру-
 ки Христіанъ. Множество тру-
 повъ, лежащихъ кучами отъ
 безпрестанной перестрѣлки
 обѣихъ сторонъ, были ужа-
 сными признаками въ тѣхъ мѣ-
 стахъ, гдѣ происходило оп-
 чаянное сраженіе. Цезарь и То-
 ледъ обратились къ одной сто-

ронѣ полуострова, гдѣ Алжирскія войска только что сдѣлали высадку, подѣ прикрывіемъ ужаснаго огня, будучи сверхъ того покровительствуемы густымъ дымомъ. Ими предводительствовалъ Канделисса Италіанецъ, сдѣлавшійся Магометаниномъ. Движимый опчаяніемъ, онъ рѣшился побѣдить или умереть, и поэтому отослалъ назадъ шлюпки свои, чтобы отспупленіе было невозможно и чтобы солдаты принуждены были достигнуть своего лагеря не иначе, какъ попирая тѣла непріятелей. Это дерзкое предпріятіе удалось ему: Алжирцы, подѣ предводительствомъ безчеловѣчнаго своего начальника, бросились на укрѣпленія, приславивъ къ стѣнамъ лѣстницы и старались взойти на при-

Мал. Рыц. Ч. IV. Б 2.

ступѣ; но Христіане толпами устремились къ осажденному мѣсту, и всевозможными средствами истребляли непріятеля. Если одни низвергались отъ ударовъ: то новыя ряды заступали ихъ мѣсто, и сраженіе возобновлялось съ большею свирѣпостію. Нѣсколько уже времени шпандарѣ Магомета развѣвался на стѣнѣ; но малое число оставшихся Христіанъ, движимые благочестивымъ гнѣвомъ, возвратились къ сраженію и, опровергнувъ недостойный профей, прогнали непріятеля съ укрѣпленій.

Въ сумятицѣ сопровождавшей сію побѣду, Цезарь и Толедъ, до селъ сражавшіеся вмѣстѣ, — разлучились. Первый бросился въ слѣдъ за однимъ Турецкимъ Офицеромъ, уносившимъ знамя Христіанъ, кото-

рое одно только и оставалось
 въ рукахъ невѣрныхъ; — То-
 ледъ же преслѣдовалъ самого
 Канделиссу. Робкій Ренегатъ
 былъ первый сошедшій съ укрѣ-
 пленій и обратившійся въ бѣг-
 ство. Донъ Феликсъ бѣжалъ
 за нимъ, и опираясь взоры
 оны кровавыхъ попоковъ, чрезъ
 кои долженъ былъ итти, гнал-
 ся за нимъ до самого берегу.
 Между тѣмъ отрядъ храбрыхъ
 Алжирцевъ, не примѣчая бѣг-
 ства своего Начальника, про-
 должалъ оспаривать побѣду у
 рыцарей, и дѣлалъ столь жес-
 токое сопротивленіе малому
 числу своихъ непріятелей, что
 жребій сраженія еще разъ могъ
 бы перемениться, еслибъ Це-
 зарь не вышелъ изъ Каземаша
 съ отрядомъ свѣжихъ воиновъ,
 посланныхъ ему ла Валептомъ
 изъ замка святаго Ангела и

напавъ на Турокъ, не погрузилъ ихъ на вѣки въ морскія бѣздны.

Такимъ образомъ непріятель совершенно прогнанъ былъ отъ Шпоры; но облака дыма, носившіеся надъ городомъ свяшаго Михаила, были признаками, что смерть не переспала еще производить тамъ свои опустошенія. Эта грозная туча заставила Цезаря вспомнить о Камиллѣ, бывшей въ городѣ; съ ужасомъ взглянулъ онъ вокругъ себя, надѣясь увидѣть Донъ Феликса; но не примѣчая его нигдѣ, спѣшилъ найти его. Онъ спрашивалъ о немъ у каждого изъ встрѣчавшихся рыцарей; — но одни отвѣчали, что видѣли его только въ самомъ жаркомъ сраженіи; — другіе же, что онъ преслѣдовалъ бѣгущаго Канделиссу. Родольфа такъ же

не доставало. Цезарь почувствовалъ, что мужество его ослабѣвало, и потому остановился на минушу, чтобъ перевести духъ; — но потомъ опять громкимъ голосомъ сталъ призывать друга своего и несчастнаго слугу. Одно эхо отвѣщивало на крикъ его. Тщетно искавши ихъ нѣсколько времени на полѣ сраженія, онъ получилъ наконецъ отзвѣвъ; но это были незнакомые голоса толпы воиновъ возвращавшихся въ городъ. Цезарь подбѣжалъ къ нимъ съ быстротою молніи; но какое ужасное зрѣлище поразило его взоры! . . . . Тѣло Толеда, распростертое на носилкахъ сдѣланныхъ наскоро изъ копій и солдатскихъ плащей! . . . . Пуля поразила благородное его сердце, въ то время, когда онъ преслѣдовалъ

Канделиссу: Душа его воспарила въ обитель вѣчнаго блаженства и ни малѣйшее спраданіе не предшеспиовало его смерти. Родольфъ, слѣдовавшій за Толедомъ, и спасшій трупъ его изъ рукъ непріятельскихъ, шелъ подлѣ носилокъ — и снова оплакивалъ потерю господина своего въ кончинѣ человѣка, уподоблявшагося ему своими добродѣтелями. Цезарь былъ пронутъ до глубины сердца; но при всей своей горести не проливалъ слезъ; потому, что эта горестъ была глубокая и безмолвная. Онъ вспомнилъ о той минутѣ, когда бездыханная теперь глава сія покоилась на колѣняхъ Камиллы; — вспомнилъ о послѣднемъ ихъ прощаніи — а также и о послѣдней улыбкѣ Донъ Феликса: и подумалъ, что орошенные слезами глаза Ка-

миллы, съ восхищеніемъ взиравшіе на сію нѣжную улыбку, могли еще открыться; но они не должны были болѣе выражать радости. Цезарь покорился неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Да и кто изъ смертныхъ осмѣлится порицать ихъ? — Кто не укропитъ ропщущей натуры, видя, что опредѣленія Всемогущаго равны для всѣхъ людей?—

Пробывши нѣсколько времени въ глубокой задумчивости подлѣ своего друга, Цезарь нагнулся, напечатлѣвъ поцѣлуй на хладномъ его челѣ, и тогда слезы, отъ которыхъ онъ болѣе не удерживался, полились изъ глазъ его.

Успокоившись нѣсколько онъ вспомнилъ о Камиллѣ, и хотѣлъ приказать солдатамъ идти въ крѣпость, чтобы вне-

запнымъ возрѣніемъ на тѣло супруга не причинить ей гибельнаго удара; — какъ вдругъ примѣчаетъ вдали особу, которую не можетъ не узнать: — Это была сама Камилла, услышавшая о своей потерѣ: она бѣжала къ нимъ на встрѣчу. Походка ея столь же была поспѣшна, какъ въ день прибытія на островъ; но какъ перемѣнилось выраженіе ея фізіономіи!... — Волосы были распущены и развѣвались отъ вѣтра; — смертная блѣдность царствовала на лицѣ обезображенномъ скорбію! — Она бѣжала, — лепѣла... наконецъ достигла носилокъ; — посмотрѣла на бездыханное лице супруга, — взглянула на Цезаря и потомъ бросилась на окровавленное тѣло Донъ Феликса. — Она обвила его своими рука-

ми, прижала усна свои къ хладнымъ уснамъ, и до тѣхъ поръ держала въ своихъ объятіяхъ, пока не упала безъ памяти. Цезарь поддержалъ ее; но сердце его облилось кровію, когда она бросила на него взоръ, выражавшій: “ ты живъ, — а его нѣтъ болѣе ! “

Увы ! не смотря на свое обѣщаніе, Цезарь не могъ слѣдовать за отважнымъ Толедомъ; но когда бы и послѣдовалъ за нимъ: то могъ ли бы защитить его отъ пули ?

Исполненный такихъ жестокихъ мыслей, онъ взялъ Камиллу на руки, и отнесъ ее до самой крѣпости; давъ знакъ солдатамъ за собою слѣдовать. Монахини, ходившія за больными, поспѣшили принять ее и подать ей помощь; а Цезарь поручивъ имъ Камиллу и при-
Мал. Рыц. Ч. IV. В

казавъ положить тѣло подъ покровъ въ церкви находившейся въ крѣпости, спѣшилъ удалиться отъ сихъ печальныхъ мѣстъ. Священникъ, отправлявшій въ крѣпости священные обряды, пришелъ опѣть тѣло Донъ Феликса для успокоенія души его. Цезарь возвратился назадъ, чптобы еще разъ взглянуть на него — и поднялъ покровъ. Въ эту минуту отецъ его, Жіованни, Камилла, Толедъ и всѣ тѣ, которыхъ онъ любилъ и лишился, представились его воображенію, и такъ сказать погасили: славу, мщеніе, должность и всѣ страсти души его. Онъ пребылъ неподвиженъ до тѣхъ поръ, пока шумъ непрестанно умножающійся и звукъ отъ убійственной перестрѣлки, который раздавался со всѣхъ сто-

ронѣ, не воззвалѣ его къ сраженію. Онѣ вышелѣ изѣ церкви и, проходя мимо комнаты Камиллы, увидѣлѣ Родольфа въ горести сидящаго на землѣ подлѣ двери.

„Родольфѣ!“ сказалѣ онѣ, „ты любишь сію несчастную женщину. Оставайся съ нею; — а я долженѣ удалиться. Пусть покрайней мѣрѣ знакомыя черты представляются взорамѣ ея, когда она придетѣ въ чувства!“

Цезарѣ не дождался отвѣта, и прибѣжавши къ ближнему посту, гдѣ Паша и Гассанѣ дѣлали послѣднія покушенія къ приступу, — бросился въ толпу сражающихся.

Г Л А В А II.

Сраженіе продолжалось почти безпрерывно нѣсколько дней и нѣсколько ночей; но наконецъ непріятель былъ отраженъ во всѣхъ пунктахъ. Берега полуострова и поверхность воды близь гавани были покрыты трупами убитыхъ, между которыми находилось также множество храбрыхъ рыцарей ордена. Число сихъ послѣднихъ непрестанно уменьшалось; — укрѣпленія замка святаго Михаила были почти всѣ ниспровержены, и казалось всею предвѣщало, что островъ долженъ немедленно сдаться, если не прибудутъ Сицилійскіе войска, которыхъ до сего времени тщетно ожидали.

Жестокій Мусшафа, вмѣсто того, чтобъ съ удивленіемъ смотрѣть на Мальпійскихъ героевъ, чувствовалъ одно только бѣшенство. Опять перемѣнивъ планъ, онъ рѣшился раздѣлить войско свое, и въ одно и то же время напасть на крѣпости святаго Михаила и святаго Ангела. Для чего соорудивъ новыя баштари приказалъ ежедневно атаковать форпосы Христіанъ, чтобъ развлечь въ одно время вниманіе ихъ и силы. Тогда и женщины и дѣти обязаны были подавать свою помощь, и когда невѣрныя дѣлали приступъ на валъ, то онъ бросали на нихъ камни и лили кипящую смолу. Мусульмане съ удивленіемъ бѣдствен-но погибали отъ рукъ такихъ сопротивниковъ. Въ продолженіи сихъ ужасныхъ минутъ,

Мал. Рыц. Ч. IV. В 2.

слышны были дикіе вопли и весь утѣсъ обвѣтъ былъ страшнымъ пламенемъ; кораблямъ проплывавшимъ мимо, казался онъ издали адскимъ жерломъ, разверстымъ поглотить ихъ.

Цезарь, утомленный сими и страшными карпинами бѣдствій, не утѣшаясь болѣе присутствіемъ Толеда, искалъ смерти; но тщетно: Пули, казалось, избѣгали его. Жизнь не имѣла болѣе для него никакихъ пріятностей. Великій Магистръ отозвалъ его въ Борго, что воспрепятствовало ему получить извѣстіе о Донѣ Камиллѣ. Но, увы! Родольфъ не замедлилъ съ нимъ соединиться; онъ тогда только оставилъ островъ де ла Сангль, когда изнуренную печалію Камиллу положили въ одну могилу съ ея супругомъ. Нѣсколько ча-

совѣ спустя послѣ отбѣзда Цезаря, находясь еще въ безпамятствѣ, она родила мертвое дитя, и скончалась не узнавъ о семъ новомъ несчастіи.

„Вотъ каковъ свѣтъ, которой я такъ желалъ узнать!“ сказалъ Родольфъ Цезарю, въ то время, какъ они успокоясь отъ своихъ трудовъ, изчисляли вмѣстѣ недавно претерпѣнные ими потери.

„Эпо свѣтъ испытаній, Родольфъ!“ возразилъ Цезарь: „и я также нѣкогда надѣялся найти въ немъ щастіе; но нынѣ оплакиваю свое заблужденіе въ потокахъ крови! Но пробудимся! вспомнимъ, что тѣ, о которыхъ мы сожалѣемъ, еще существуютъ и взираютъ на насъ съ нѣжностію; и такъ потщимся лучше содѣлаться

достойными съ ними нѣкогда соединиться. “

„О! для чего оставилъ я свою пещеру!“ вскричалъ Родольфъ, вздыхая.

Въ сію минуту разговоръ ихъ былъ прерванъ отдаленнымъ шумомъ взорваннаго подкопа. Часть бастиона Каспили взлетѣло на воздухъ, и непріятель началъ всходить уже въ проломъ, какъ Цезарь и Родольфъ вмѣстѣ поснѣшили защищать стѣны. Они увидѣли Турецкое знамя развѣвающееся внизу парапета, и отдаленный звукъ пушекъ извѣстилъ ихъ, что въ то же время невѣрные дѣлали приступъ къ крѣпости святаго Михаила. Казалось наступила рѣшительная минута. Цезарь бросился впередъ и увидѣлъ Великаго Магистра безъ шлема и безъ латъ, съ

однимъ только мечемъ, бѣгу-
щаго на встрѣчу непріятелю,
не смотря на прозѣбы рыца-
рей, копорые стоя передъ нимъ
на колѣнахъ умоляли вспомнить
о томъ, что спасеніе острова
Малыпы зависѣло отъ его жи-
зни.

„Нѣтъ,“ вскричалъ ла Ва-
леттѣ съ жаромъ, „вы всѣ
достойны повелѣвать подобно
мнѣ. Пустите меня. Или эпи
знамена, или я, сей часъ дол-
жны пасть.“

При сихъ словахъ Цезарь
позволилъ себѣ оштолкнуть
Великаго Магистра, и бро-
сившись впередъ съ малымъ
числомъ шоварищей, устре-
мился вмѣстѣ съ ними на
непріятеля. Они завладѣли
знаменами, выхвативъ ихъ изъ
огня, пылающаго отъ горючихъ
матерій, которые брошены бы-

ли съ высоты укрѣпленій и повергли ихъ съ торжествомъ въ ногамъ ла Валетта. Такою отважной поступокъ возбуждалъ новое соревнованіе, въ прочихъ рыцаряхъ. Будучи одушевлены присутствіемъ великаго Магистра, извѣстіемъ о сильномъ сопротивленіи гарнизона острова де ла Сангла, они не хотѣли, чтобы другіе превзошли ихъ въ храбрости. Непреодолимое мужество доставило имъ побѣду. Непріятель отступилъ, оставивъ лучшихъ своихъ офицеровъ и почти всѣхъ солдатъ, участвовавшихъ въ приступѣ — мертвыми или умирающими на бастионахъ. — Потеря Христіанъ была не значительна; но самъ ла Валеттъ былъ раненъ и многіе изъ рыцарей погибли на островѣ де ла Санглѣ, хотя

непріятель и шамъ столь же мало выигралъ какъ и въ Борто.

Великій Магистръ рѣшился тогда опять просить Вице Короля Сициліи. Онъ надѣялся, что если сердце его не пронется, то по крайней мѣрѣ мщеніе за сына побудитъ послать вспомогагельныя войска, обратилъ къ общему благу страсть, которая сама по себѣ виновна; почему препоручилъ Цезарю отправиться въ Сицилію съ печальнымъ извѣстіемъ о смерти Толеда и сдѣлать послѣднее воззваніе къ великодушію Донъ Гарсіа.

Бура, продолжавшаяся нѣсколько дней, воспрепятствовала Цезарю отправиться въ путь, не пошому, чтобы онъ дорого цѣнилъ жизнь свою, но пошому, что отъ прибытія

его въ Мессину зависѣло спасеніе жителей и храбрыхъ защитниковъ Мальпы. Къ вечеру четвертаго дня въпервѣ утихъ, и Адимарій, видя благопріятный случай, спѣшилъ пройти въ городъ, какъ вдругъ, при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, увидѣлъ стрѣлу упавшую къ его ногамъ. Онъ полагалъ, что она пущена изъ Турецкаго лагеря, находившагося на окрестныхъ высотахъ, и не обратилъ на нее никакого вниманія; но Родольфъ замѣтилъ, что къ стрѣлѣ что-то было привязано, нагнулся и поднявъ оную, нашелъ на ней шелковую песьму; почему и отдалъ Цезарю, который съ жадностію схватилъ стрѣлу, подошелъ къ фонарю, освѣщавшему преддверіе одного дома. Лишь только онъ взглянулъ на то,

что держалъ, какъ вдругъ громко вскрикнулъ. Только одно слово: „Четвергъ,“ было тутъ написано; но Цезарь не могъ не узнать руки, написавшей слово сіе, руки человека, почипаемаго имъ мертвымъ. Прижавъ сію песьму къ губамъ своимъ, и упавши на колѣна, онъ оставался нѣкоторое время неподвиженъ, упоенный восхищеніемъ и радостію. Родольфъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, не смѣя спросить. „Онъ живъ!“ вскричалъ Цезарь поцѣловавъ снова шелковую песьму и слезы полились изъ глазъ его. „Господинъ твой живъ! сказалъ онъ, и Родольфъ остолбенѣлъ какъ громомъ пораженный.

Восторги, смѣшанные съ сомнѣніемъ и надеждою, которые терзали сего бѣднаго че-

Мал. Рыц. Ч. IV. Г

дзвѣрка , помогли Цезарю перенести свое благополучіе. Онѣ повѣрили , что существованіе Жіованни было вѣрно , чему доказательствомъ служила записка его руки , а также и увѣдомленіе о томъ , что онѣ старался извѣстить. Когда опьянная радость Родольфа перемѣнилась въ слезы удовольствія и благодарности , тогда Цезарь , поручивъ его попеченіямъ часового , самъ поспѣшилъ къ великому Магистру съ спѣшностью и важнымъ извѣстіемъ , которое она сообщила.

Живой румянецъ , покрывшій блѣдныя щеки ла Валеша , коего здоровье повреждено было заботами и печальми , обнаружилъ радость , имѣющую при себѣ извѣстіи. Минуту спустя послѣ благого-

вѣйныхъ . размышленій , онъ
вскричалъ :

„Жіованни живѣ ! и спасеніе
его мы должны почеипати пред-
вѣщаніемъ нашего избавленія.
Богъ явилъ для него чудо—для
чего же и намъ не надѣятися?“

Нельзя было ошибитися въ
смыслъ того , что написавъ
Жіованни. Весьма очевидно, что
Чепвергъ назначенъ для ужа-
снаго приступу. Ла Валеттѣ
увѣрявъ Цезаря , что будучи
такимъ образомъ предуготов-
ленъ , онъ не опасался онаго.
Сердце Цезаря ощутило опять
привязанность къ міру и остр-
рову Мальтѣ.

Избавленіе Жіованни зависѣ-
ло отъ успѣха его путеше-
ствія; и съ сего времени даже
желаніе участвовати въ сла-
вѣ сраженія, не могло его удер-
жати. Онъ настоятельно про-

силѣ великаго Магистра спрашивашь всѣхъ плѣнниковъ, которые будутъ взяты, объ участи сего несравненнаго друга; потомъ пришедши къ Родольфу, который все еще не опомнился отъ радости, вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ на судно и вышелъ въ открытое море, — между тѣмъ какъ непріятель не только не видалъ ихъ, но даже и не подозрѣвалъ объ ихъ отбѣздѣ.

Г Л А В А III.

Во время путешествія, они забыли отъ радости, наполнившей сердца ихъ, о несчастіяхъ съ ними случившихся. Цесарь и Родольфъ говорили только о Жіованни, который въ

самомъ дѣлѣ находился плѣнникомъ, и сія участь, въ сравненіи съ могилою, казалась имъ достойною зависти. Надѣясь на небесную помощь они съ ума сходили отъ радости.

Но, увы! сладостныя ихъ чувствованія продолжались короткое время, потому что когда Цезарь описалъ Вице-Королю бѣдственную участь Толеда и Камиллы, то научился, что не должно полагаться на земное щасліе; ибо Донъ Гарсій, среди сильныхъ выраженій горести и неистовства, признался ему, что не можетъ ничего сдѣлать не получивъ прежде новыхъ повелѣній. Отчаяніе овладѣло тогда сердцемъ Цезаря; но не надолго. Замѣтивъ, что Вице-Король внутренно желалъ подать помощь сторонѣ, за которую

погибъ сынъ его. Адимарій старался возбудить Сицилійскія войска къ поступку, который могъ бы послужить предлогомъ извиненія ихъ полководцу, удовлетворивъ его желанія. Ему удалось: — Солдаты, воспламененные краснорѣчіемъ Цезаря и тронутые бѣдственнымъ положеніемъ и героизмомъ осажденныхъ, возмутились, выломали ворота дворца и съ великимъ крикомъ требовали, чтобъ Вице Король велъ ихъ на помощь къ героямъ Мальты. Служившіе подъ начальствомъ Донъ Феликса Толеда старались возбудить отца его къ отмщенію; между тѣмъ какъ тѣ, коими Донъ Гарсій самъ предводительствовалъ въ сраженіяхъ на берегахъ Африки, умоляли его не забыть о прежней славѣ, и не оставлялъ

другимъ случая пожать новыя лавры, которыя ожидали его въ Мальтѣ. Побуждаемый увѣщаніями друзей своихъ и бунтомъ солдатъ, а также и воинскимъ духомъ своимъ, Вице-Король назначилъ Сиракузы мѣстомъ сборища и отправился туда, чтобы принять самому надъ ними начальство.

Храбрые и опытные офицеры командовали дивизіями, составленными изъ ветерановъ или волонтеровъ, которыхъ мужество замѣняло недостаткомъ познаній. Нѣсколько рыцарей, прибывшихъ изъ отдаленныхъ странъ, присоединилось къ симъ войскамъ. Цезарь поспѣшалъ ихъ отпѣздомъ, и нетерпѣливость его не позволяла Вице-Королю нисколько замедленія. Всеобщій энтузіазмъ способствовалъ его на-

мѣреніямъ, — и потому перваго Сентября флотъ поднялъ паруса при пушечныхъ выстрѣлахъ и восклицаніяхъ войскъ и множества жителей, собравшихся на берегу.

Ничто не могло сравниться съ радостію Цезаря и Родольфа, когда чрезъ пять дней, приблизившись къ каналу Гозо, они примѣтили изъ далека свѣтъ огней Турокъ и Мальтійцевъ. Они были близъ цѣли своихъ надеждъ и опасеній. Еще нѣсколько времени пройдетъ и рѣшитъ ихъ сомнѣнія. Цезарь пожиралъ взорами скалу, которая ежеминутно казалась возрастающею — какъ вдругъ вѣтеръ перемѣнился и столь сдѣлался жестокимъ, что весь флотъ менѣе нежели въ два часа былъ разсѣянъ, и дивизіи скрылись изъ виду. Дол-

тое время сопротивляясь вѣп-
ру и яроспнымъ волнамъ, ди-
визія Вице Короля должна бы-
ла наконецъ направивъ путь
свой въ Сицилію, и бросить
якорь при Пассалѣ. Здѣсь при-
соединился къ нимъ Арріер-
гардъ флота, бывшаго подъ на-
чальствомъ Донъ Жуана Кар-
дона, который побуждаемъ бу-
дучи наспопашельнымъ требо-
ваніемъ солдатъ своихъ, про-
должалъ путь къ о с т р о в у
Мальтѣ и дѣйствительно умѣлъ
высадить шуда свои войска.
Лишь только въ арміи стало
сіе извѣстно, какъ солдаты
Дона Гарсіа, сомнѣвавшіеся еще
въ его искренности, окружили
залу совѣта, гдѣ Вице-Король
занимался чтеніемъ новыхъ по-
велѣній, которыми Испанскій
дворъ спарался удержатъ его,
и требовали, чтобы вели ихъ

въ Мальту, угрожая, что если имъ въ томъ откажутъ, то они завладѣютъ кораблями и отправятся туда безъ своихъ начальниковъ. Донъ Гарсій, увѣренъ будучи, что бунтовщики не усмирятся, уступилъ необходимости, и вставши съ своего мѣста сказалъ имъ:

„Друзья мои! вмѣсто того, чтобы наказать васъ за бунтъ, я только лишь удивляюсь вашей храбрости. Оправдайте мою къ вамъ милость.“

Потомъ Донъ Гарсій далъ повелѣнія, чтобы войска сядились на суда, которыя отправились и спуская радостные крики.

Такимъ образомъ они пустились въ море и достигли въ другой разъ острова Мальты. Цезарь стоялъ на палубѣ подлѣ Вице-Короля и смотрѣлъ

на него выразительно не спускающая глазъ, чѣмъ болѣе приближался онъ къ цѣли своихъ желаній, тѣмъ болѣе претепалъ при мысли, что снова можетъ быть удаленъ отъ оной. Турки думая, что Испанскій флотъ не хотѣлъ идти на помощь крѣпости святого Ангела, вломились въ большую гавань и, соединивъ въ ней всѣ свои корабли, окружили оную непроницаемыми полисадами. Донъ Гарсіа узнавъ о семъ приказалъ направить путь къ западному берегу острова. Во время плаванія вѣтеръ перемѣнился и корабль принужденъ былъ лавировать. Дѣлая послѣднюю лавировку капитанъ отдался отъ берегу можетъ быть болѣе нежели сколько нужно было. Цезарь примѣтивъ сіе встревожился; и опасаясь

новыхъ отплагательствъ и хитростей, обратился къ офицеру, правившему рулемъ, вскричавъ грознымъ голосомъ: „Если кто нибудь вздумаетъ еще медлить, то я вонжу сей мечъ въ его сердце — хопя бы и самъ долженъ былъ послѣ погибнуть.“

Произнося сіи слова, онъ бросилъ на Вице-Короля взглядъ, не требовавшій извѣсненія.

„Понимаю тебя, молодой человекъ, отвѣчалъ Донъ Гарсій; но умѣй воздерживаться, если желаешь возвыситься въ свѣтъ.“

„Я лучше желаю пасть, вскричалъ Цезарь, нежели возвыситься унижаясь.“

Оскорбленный Вице-Король, положилъ руку на мечъ; но многіе офицеры прибѣжавши дали время пройти ихъ горяч-

ности. Въ сію минуту Адмиральскій корабль бросилъ якорь, а нѣсколько легкихъ судовъ высаживали уже солдатъ. Отъ еего зрѣлища Цезарь опомнился и почтительно поклонясь Вице-Королю, покраснѣлъ и сказалъ ему указывая на галеры стоявшія на якорѣ: „Вы торжествуете, Ваше Величество!“

Донъ Гарсій съ минутою колебался, но потомъ подалъ руку Цезарю, который поцѣловавъ ее спѣшилъ съ Родольфомъ подавать помощь выходящимъ изъ шлюпокъ. Возвратясь на сей островъ, любимый имъ для Жіованни, который теперь на немъ находился, Цезарь ощущалъ въ себѣ новую жизнь, и щипая многочисленныя опряды, дѣлавшіе высадку, спрашивалъ самъ себя: не мечта ли это? Вице-Король не

могъ по благоразумію своему оставить островъ, ему ввѣренной; почему сдѣлавъ смотръ своимъ войскамъ, и произнеши рѣчь, въ которой напоминалъ имъ о смерти своего сына, общался поспѣшнѣе прислать Принца Мельфи съ Генуэзскими галерами, а потомъ сѣлъ на корабль свой при громкихъ восклицаніяхъ всего войска.

Прежде нежели армія отправилась въ городъ Чиппиа Нотабиль, который находился въ Ценпрѣ острова, начальники оной де Сандъ и Делла Корна почли нужнымъ увѣдомить великаго Магистра о своемъ прибытіи. Родольфъ вызвался исполнить сіе порученіе, прося одного только провожающаго, который показалъ бы ему путь до окрестностей Борго,

и потомъ обѣщался пройти непріятельскія линіи не бывъ примѣченнымъ.

Вызовъ его былъ принятъ, потому что никто кромѣ его и Цезаря не зналъ расположе- нія Турецкаго лагеря и про- пинокъ, по коимъ можно было не проходя онымъ дойти до Борго; Адимарій вѣрилъ про- видѣнію вѣрнаго своего оруже- носца, сдѣлавъ ему тысячу по- рученій въ разсужденіи Жіо- ванни, и наконецъ оппустилъ его пожавъ дружески его ру- ку. По возвращеніи своемъ, Родольфъ нашелъ армію въ са- мой твердой позиціи между укрѣпленнымъ монастыремъ и Чиппа Нопабилемъ. Новости, которыхъ онъ былъ вѣспни- комъ, казалось придавали ему крылья. Онъ сказалъ, что въ минушу прибытія его въ Бор-

го, знамя святаго Іоанна развѣвалось уже на крѣпости Сент-Эльма и на всѣхъ непріятельскихъ батареяхъ.

Турки, услышавъ о высадкѣ Сицилійскихъ войскъ, были поражены паническимъ сипрахомъ: оставили свои посты, заклепали пушки, разрушили свои магазины; и опасаясь быть въ свою очередь блокированными и осажденными въ большой гавани, немедленно сѣли на корабли свои.

Ла Валеттѣ не теряя ни минуты, занялъ оставленные ими мѣста, и въ самомъ дѣлѣ поспѣшность сія была полезна: потому, что невѣрные узнавъ, что число высаженныхъ войскъ, которое сначала было весьма увеличено, простиралось только до шести тысячъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы поднять

наруса, опять сдѣлали нападеніе ; но не надѣясь уже овладѣть опять постами, ими оставленными, они сдѣлали высадку въ заливъ святаго Павла, рѣшившись иппи на испрѣчу арміи Христіанъ и дасть рѣшительное сраженіе.

Таковы были публичныя извѣстія, принесенныя Родольфомъ ; партикулярныя же, но не столь подробныя, тѣмъ не менѣе однако же были драгоценны для слуха дружества.

Великій Магистръ самъ наконецъ увѣрился, что Жіованни живъ и находился въ плѣну, потому, что спрашивалъ о томъ одного раненаго, котораго Турки оставили въ лагерь ; но сей человекъ не могъ однако же ему сказать, какимъ образомъ онъ спасся, и почему

Мал. Рыц. Ч. IV. Д 2.

безчеловѣчные непріятели не умертвили его.

Когда Цезарь выслушалъ сіи щасливыя извѣстія Родольфа, то обнялъ его съ восторгомъ; но когда сей послѣдній изъявилъ боязнь свою, чѣмъ невѣрные не умертвили своихъ плѣнниковъ, дабы опмститъ за худой успѣхъ ихъ предпріятій, то Цезарь упрекалъ его за то, что онъ не полагается на Всемогущаго Творца, который столько къ нимъ милостивъ.

Адмарій пошелъ въ военный совѣтъ, будучи исполненъ нетерпѣнія видѣть окончанными участь невѣрныхъ и свои собственныя безпокойства. Тамъ разсуждали тогда, ожидать ли непріятеля въ твердой позиціи, въ каковой они находились, или итти на встрѣчу къ нему и дать сраженіе на откры-

томъ полѣ. Одни говорили, что Турки нуждались въ свѣстныхъ припасахъ, и что не могли содержать себя на островахъ, вскорѣ сами собою принуждены будутъ опять сѣсть на корабли свои, безъ всякаго со стороны ихъ дѣйствія. Другіе утверждали, что не говоря уже о стыдѣ такого поступка, могло случиться, что непріятель свѣотчаянія нападетъ на Борго и на крѣпость святаго Михаила, и овладѣетъ сими мѣстами, или покрайней мѣрѣ однимъ изъ оныхъ, прежде нежели армія успѣетъ прийти къ нимъ на помощь. Тогда сколько войска ихъ будутъ негодовать! Правда, что ихъ было только шесть тысячъ, а число невѣрныхъ въ трое болѣе простиралось, но за то войны Христіанъ были свѣжи и ис-

полнены храбрости, между
тѣмъ какъ Турки уже упом-
лены продолжишелою и без-
полезною осадю.

Де Сандъ, предводительство-
вавшій Неаполитанцами, подалъ
голосъ къ сраженію; но Делла
Корна, Лейтенантъ Вице-Коро-
ля, говорилъ, что должно по-
ступать благоразумнѣе, дока-
зывая справедливость своего
мнѣнія.

Цезарь опасаясь, чтобъ они
своею медленностью не упу-
стили случая къ возвращенію
свободы Жіованни, в д р у г ъ
всталъ съ своего мѣста — и
подалъ мнѣіе съ такимъ пыл-
кимъ и убѣдительнымъ красно-
рѣчіемъ, что привлекъ на свою
сторону почти всѣхъ против-
никовъ. Примѣтивъ успѣхъ
имъ произведенный, онъ въ ко-
роткихъ словахъ сдѣлалъ нѣ-

которыя очевидныя доказатель-
ства, присовокупивъ:

„Вотъ мое мнѣніе. Вамъ
остается рѣшить справедливо
ли оно, или нѣтъ. Чтожъ до
меня касается, то признаюсь,
что сердце мое принимаетъ
большое участіе въ вашемъ
рѣшеніи. Отъ него зависитъ
участъ благороднѣйшаго избъ
рыцарей и нѣжнѣйшаго избъ
друзей. Жіованни Цигала еще
живъ и находится въ плѣну у
непріятелей!“

Всѣ присудствовавшіе рыца-
ри знали Жіованни; и имя его
поразило слухъ даже послѣд-
няго избъ солдатъ; почему сло-
ва Цезаря сопровождаемы бы-
ли радостными восклицаніями
всѣхъ воиновъ, которые съ шу-
момъ вышедши избъ совѣта,
объявили, что они одни намѣ-

рени проложитъ себѣ путь къ плѣнному своему сотоварищу.

„Хочя я и противнаго мнѣнія, вскричалъ Делла Корна; „но не смотря на это, хочу вмѣстѣ съ вами раздѣлять опасности.“ — Такъ какъ всѣ были согласны — по и приказано было снимать лагерь.

Лишь только Христіане выступили въ походъ, какъ вдругъ примѣтили сомкнутые полки Паши, идущіе къ нимъ на встрѣчу. Солнце освѣщало ряды Турокъ, которые были весьма многочисленны. Цезарь взирая на нихъ, въ первый разъ еще просилъ небо о сохраненіи дней своихъ: онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, но жизнь сдѣлалась для него драгоцѣнна съ тѣхъ поръ, какъ Жіованни находился въ оковахъ; и потому ничто не могло сравниться съ ревностію

друга, который все свое счастье полагалъ въ его освобожденіи. Если бы Цезарь палъ на сраженіи, то свобода Жіованни была бы еще сомнительна. Оборотясь къ Родольфу Адимарій бросилъ на него пламенный взоръ, и полетѣлъ на сраженіе, вскричавъ: „За святыи Крестъ и твоего господина!“

Битва началась. Турецкіе солдаты сражались слабо; но храбрость ихъ оставившая, казалось, перешла въ сердца ихъ Офицеровъ, которые оказали сильное сопротивленіе Христіанамъ; но скоро и они были побѣждены и увлечены своими опрядами обратившимися въ бѣгство, или попраны ногами преслѣдовавшихъ ихъ побѣдителей. Невѣрные спѣшили къ берегу и старались

достигнуть кораблей своихъ, — иные въ шлюбкахъ — другіе же вплавъ; но рыцари бросились за ними въ море, и не смотря на ужасный огонь съ кораблей, сражались на поверхности воды, какъ бы на полѣ сраженія. Самъ Мустафа съ трудомъ могъ спастись. Однако же достигши въ безопасности до одного галіота, онъ привазалъ дать знакъ къ вторичному побѣгу; флотъ перерѣзалъ канаты — и Турки поспѣшно удалились отъ Театра пораженія и памятниковъ стыда своего. Цезарь, близко преслѣдовавшій Мустафу, возвратясь на берегъ примѣтилъ старика, спрятавшагося за опрокинутую лодку въ то самое время, какъ одинъ солдатъ готовился нанести ему смертный ударъ мечемъ своимъ.

Сѣдые волосы и умоляющее лице жертвы сей, казались Цезарю краснорѣчивѣе и, проглательнѣе всякихъ словъ. Онъ подбѣжалъ къ нимъ и, вырвавъ мечъ изъ рукъ солдата, приказалъ ему пощадить старика, чему сей послѣдній противъ воли повиновался. Спарый же Турка испустилъ радостный крикъ и бросился къ ногамъ Цезаря.

„Я не ошибаюсь,“ вскричалъ онъ,“ этогъ взоръ.... этогъ голосъ.... о! господинъ, вотъ уже во второй разъ....“

Цезарь посмотрѣлъ на сего человека, который говорилъ по Италіански примѣшивая Еврейское нарѣчіе, и не могши вспомнить, чтобы когда нибудь его видѣлъ, сказалъ ему съ кротостію:

Мал. Рыц. Ч. IV.

Е

„Ты принимаешь меня за другаго, но однако же это не помѣшаетъ мнѣ быть твоимъ покровителемъ; не опасайся ничего. Меня зовутъ Цезаремъ Адимаріемъ.“

Старикъ опять приспально посмотрѣвъ на Цезаря, старался пренеющимъ голосомъ увѣрить въ то, что онъ его знаетъ: — Объявилъ о себѣ, что онъ Еврей и уроженецъ одного изъ острововъ подвластныхъ Турецкой Имперіи: Но что на флотѣ находился для того только, чтобы производить торговлю, въ качествѣ подрядчика. Чтось касается до Цезаря, то онъ узналъ его тогда, какъ онъ освободилъ жителей Тосканской деревни, схваченныхъ Алжирцами. Сей купецъ, сопровождаемый единственнымъ своимъ сыномъ,

путешествовалъ тогда по
Италіи, и остановившись въ
сей деревнѣ имѣлъ несчастіе
быть въ числѣ плѣнныхъ.

„Послѣ того,“ прибавилъ онъ
со слезами, “ я лишился сего
любезнаго сына: онъ умеръ.
Но я никогда не забуду радо-
сти ощущенной мною тогда,
когда нашъ храбрый избави-
тель возвратилъ ему свободу.
А теперь онъ же самый спа-
саетъ онъ страданій и вѣрной
смерти сіи ослабѣвшіе члены.
О! чѣмъ могу воздать за все
сіе тому, кто столь много
обязалъ меня! “

Цезарь былъ пронутъ чув-
ствительностію Рубена (такъ
назывался Еврей), увѣряя его,
что будетъ покровительство-
вать ему до той минуты, по-
ка узнаетъ о намѣреніи Вели-

каго Магистра въ разсужденіи плѣнниковъ ; онъ поручилъ его нѣкоторымъ изъ вѣрныхъ своихъ служителей , а самъ пошелъ отыскивать Родольфа. Сей храбрый человекъ былъ не далеко ; и хотя Цезарь и онъ оба имѣли на себѣ кровавые признаки своего мужества , но однако же съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты , когда побѣдившая армія должна будетъ идти въ Борго. Войска оставались на берегу до тѣхъ поръ , пока послѣдній Турецкій парусъ не скрылся изъ виду. Тогда испуская радостныя крики , одни падали на колѣна въ благоговѣйномъ восторгѣ , другіе легли на землю , изнемогши отъ ранъ и усталости. Опасно раненые были отосланы въ Чипша Нопабиль , между тѣмъ какъ остальная часть арміи

пошла въ походъ, отдохнувши
нѣсколько часовъ.

Такимъ-то образомъ кончилась осада, продолжавшаяся болѣе чешырехъ мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ гарнизонъ, состоявшій изъ девяти тысячъ человѣкъ, защищался противъ многочисленной арміи, и еще оной сильнѣйшаго флота. При томъ же непріятель былъ храбръ, а это было не малою препоною для Христіанъ. Никогда невѣрные не оказывали такого искусства и мужества, но за то никогда также не были такъ превзойдены въ обѣихъ случаяхъ, какъ въ сіе время.

Побѣдоносная армія, по непродолжительномъ шествіи достигши Борго, взирала на сей городъ съ чувствами удивленія и соспираданія. Можнобъ

Мал. Рыц. Ч. IV. Е 2.

было почестъ, что войска сіи пришли туда какъ завоеватели, а не какъ избавители; ибо по всюду видны были развалины. Дома, стѣны, магазины, всѣ зданія были разрушены и свидѣтельствовали объ ужасныхъ приступахъ, какіе дѣла ны были невѣрными послѣ отбѣзда Цезаря. Жители, томимые голодомъ, влчились медленно, подобно тѣнямъ, между сими печальными развалинами; малое число рыцарей, шедшихъ за Великимъ Магістромъ на встрѣчу своихъ щастливыхъ товарищей, были покрыты почтенными знаками своихъ страданій. По блѣдности лицъ ихъ и вѣтхости одеждъ, можно было судить, что въ продолженіи осады они не имѣли ни отдохновенія, ни покоя.

Они приближались тихими

и колеблющимися шагами; но на лицахъ ихъ можно было читать чувство своего достоинства и благодареніе за милости небесъ. При видѣ сей святой толпы страдальцевъ, всѣ вновь прибывшіе рыцари въ шумномъ безпорядкѣ оставили ряды свои и спѣшили заключить ихъ въ свои объятія. Сколько радости, сколько слезъ ознаменовали сіе трогательное соединеніе! И тѣ и другіе помышляли о друзьяхъ, которыхъ лишились, и о тѣхъ, которые остались еще въ живыхъ. Знаменитый ла Валеттѣ оперся на плечо Цезаря и одно и тоже воспоминаніе поразило сердца ихъ. Они въ полголоса произнесли имя Толеда и почтили память его слезами. Освободившись изъ объятій Великаго Магистра, Цезарь вос-

кликнулъ во глубинѣ сердца
обращаясь къ Толеду: „Успо-
койся мѣнь блаженная, безче-
стѣе отца твоего заглажено!“

Адимарій окинулъ взоромъ
всѣхъ рыцарей, снараясь уз-
нать между ими друзей сво-
ихъ, которые остались въ жи-
выхъ послѣ осады; но увидѣлъ
только нѣсколько знакомыхъ
лицъ; потому, что почти весь
орденъ былъ истребленъ. Съ
какимъ почтеніемъ взиралъ онъ
на сей остатокъ героев! Съ
какою любовію и удивленіемъ
успрямлялъ взоры свои на блѣд-
ныя и томныя черты лица ла
Валетта! Но въ нихъ всю еще
блистало величіе непобѣдимаго
духа. Все въ немъ показывало
истиннаго избавителя остро-
ва Мальтъ.

Знамя св.го Іоанна, развѣ-
вающееся на всѣхъ багетаряхъ

Христіанських и Турецких, оканчивало сію великолѣпную картину. Цезарь пробѣжалъ еще разъ смущенными глазами рыцарей его окружающихъ; но не видалъ двохъ оставленныхъ имъ въ цвѣтѣ юности и блескъ славы. Имена ихъ пропавъ воли у него вырвались: „Марко Дорій! . . . . Генрихъ ла Валеттѣ! гдѣ они? спросилъ онъ.

„Дорій!“ отвѣчалъ ла Валеттѣ тихимъ, но вмѣстѣ и шердымъ голосомъ, „весьма опасно — и кажется смертельно раненъ. Что же касается до Генриха: то земное поприще его кончилось! „

Сказавъ сіи слова онъ возвелъ къ небесамъ выразительные взоры свои подобно Папріарху, принесшему нѣкогда на жертву единокровнаго сына.

Кровь оледенѣла въ жилахъ Цезаря. Онъ опиралъ слезы, орошавшія глаза его; въ это время ла Валентинъ смотрѣлъ на него съ горестію и нѣжностію; — и съ трудомъ удержавъ вздохъ, стремившійся изъ глубины сердца, просилъ всѣхъ присутствующихъ слѣдовать за собою въ церковь.

Тамъ опинѣли торжественный молебенъ, по окончаніи коего войска разведены были по различнымъ мѣстамъ. Тогда всякой получилъ свободу осведомиться объ участи друзей своихъ.

ГЛАВА IV.

Выслушавши приказанія ла Валентина на щетъ плѣнниковъ,

Цезарь велѣлъ привести къ себѣ стараго Еврея и поручилъ его попеченіямъ Родольфа. Не одно челоѡколюбіе побудило его къ сему поступку, но также и надежда узнать отъ Рубена что нибудь о другѣ своемъ; почему онъ и рѣшился удержать его. Число плѣнныхъ Христіанъ въ рукахъ Турокъ до такой степени уменьшилось отъ ихъ жестокости, что особа столь важная, какъ Жіованни, не могла не быть извѣстна всей арміи: Такимъ образомъ и Рубенъ видалъ его, а также слышалъ и о чудесномъ его избавленіи. Вещь, что онъ разсказалъ въ короткихъ словахъ:

Между тѣмъ, какъ варварскія повелѣнія Мустафы исполнялись надъ тѣлами рыцарей, убіенныхъ въ Сент-Эльмѣ,

одинъ изъ Турецкихъ офицеровъ замѣтилъ, что тѣло Жіованни имѣло еще нѣкоторые признаки жизни. Сей молодой человекъ назывался Мурадомъ; онъ былъ лейтенантомъ на кораблѣ, взятомъ Жіованніемъ во время прибытія его на Мальту. Благородство, съ какимъ сей послѣдній обошелся съ плѣнными, а особенно съ симъ офицеромъ, возбудило въ сердцѣ Мурада живѣйшую признательность, какой ни одинъ еще невѣрный не ощущалъ можетъ быть въ Христіанину. Возвращенный назадъ Турками въ продолженіи осады, Мурадъ, бывшій роднымъ племянникомъ Мустафы, по сему случаю былъ въ состояніи оказать услугу человеку, нѣкогда ему покровительствовавшему. Съ глубокимъ униженіемъ, какое поль-

но рабы оказываютъ высшимъ себя рабамъ, бросился онъ къ ногамъ Паши, цѣлуя землю и умоляя его самымъ низжайшимъ образомъ отдать въ его распоряженіе сіе окровавленное тѣло. Онъ изчислилъ благодѣянія оказанныя ему Жіованніемъ, выразивъ отвращеніе свое поступивъ столь недостойнымъ образомъ съ остатками человека, предохранившаго его самого отъ безчестія; потому, что всѣ Турки, взятые Христіанами, всегда осуждаемы были на галеры.

Муспафа долгое время былъ не умолимъ; но наконецъ исполнувъ съ презрительнымъ видомъ сіе благородное тѣло, издыхающее у ногъ его, сказалъ своему племяннику, что отдаетъ оное въ полную его власть. Мурадъ съ восторгомъ

Мал. Рыц. Ч. IV. Ж

воспользовался симъ позволеніемъ, отнесъ тѣло въ свою палатку и употребилъ всѣ средства, чѣобы остановить кровь, лившуюся изъ ранъ его, которой истечение дѣлало біеніе сердца его почти не ощутительнымъ.

Невольники Мурада и его лѣкарь довольно искусный помогли Жіованни; когда кровь перестала течь: то на лицѣ его показались нѣкоторые признаки жизни. Къ вечеру Жіованни открылъ глаза, но вскорѣ опять закрылъ ихъ; потому что не имѣлъ силы смотрѣть на предметы его окружающіе.

Нѣсколько дней находился онъ въ такомъ безчувственномъ состояніи; но вскорѣ нашуря не замедлила возобновить его силы, и не много спу-

ешя Жіованни н а ч а л ъ пони-
мать, что происходило вокругъ
него, а наконецъ могъ говорить
и дѣйствовать.

Мурадъ спасши жизнь сво-
его покровителя, почиталъ се-
бя болѣе нежели прежде обя-
заннымъ защищать его. Паша
чрезмѣрно ненавидѣлъ Жіован-
ни, почитая его однимъ изъ
величайшихъ враговъ Магоме-
та; однакожъ Мурадъ убѣдилъ
дядю дать клятву въ томъ,
что сохранить жизнь Цигала
даже и тогда, когда смерть
поспигнетъ человека его изба-
вившаго.

И въ самомъ дѣлѣ, во время
жизни Мурада Жіованни былъ
плѣнникомъ только по имени
и ходилъ свободно по лагерю,
гдѣ самъ Рубенъ часто видалъ
его. Но роковой Четвергъ, о
которомъ Жіованни предувѣ-

домилъ своихъ собратій въ Борто, былъ пагубенъ для Мурада — и съ тѣхъ поръ, какъ рыцарь попалъ въ руки Мустафы, Рубенъ ничего болѣе объ немъ не слыхалъ. Говорили только, что Паша сдержалъ свое слово и что плѣнникъ живъ еще.

„Не можешь ли ты мнѣ сказать, гдѣ онъ былъ во время послѣдняго сраженія?“ сказалъ Цезарь въ отчаяніи, выслушавъ съ благодарностію и удовольствіемъ первую часть повѣствованія.

„Безъ сомнѣнія на какомъ нибудь кораблѣ, отвѣчалъ Рубенъ, потому что Паша высадивъ свою армію не велѣлъ высаживать плѣнниковъ.“

„И такъ вся наша надежда возвратить ему свободу заключается въ одномъ только зо-

лопѣ,“ вскричалъ Цезарь, послѣ горестнаго и продолжительнаго размышленія. „Если же золота будетъ недостаточно, чѣмъ его выкупить, то я пожертвую для него собственною свободою!“

Принявши такое твердое намѣреніе, Адимарій пошелъ къ Марку Дорію, чѣмбы доказать благодарность свою за милости Принца Мельфи, оказываніемъ всевозможныхъ услугъ сыну его во время его болѣзни.

Онъ нашелъ сего молодого человека споль спраждающимъ, что спалъ бы отчаяваться въ его жизни, еслибъ не слыжалъ подробностей о чудесномъ излѣченіи Жіованни, сей часъ рассказанныхъ ему Рубеномъ. Когда доктора сказали ему, что только самыя неусыпныя попеченія могутъ быть полез-

Мал. Рыц. Ч. IV. Ж 2.

ни Дорію : то Цезарь рѣшил-
ся не оставлять его и, если
возможно. спасти отъ смерти
послѣдняго сына почтеннаго
Принца Мельфи, который не
перенесъ бы сей вторичной по-
тери.

Прежде принятія на себя
сей благодѣтельной обязанно-
сти, Цезарь потребовалъ у
Великаго Магистра аудіенціи
съ тѣмъ, чтобы говорить съ
нимъ о Жіованни и сообщить
ему то, что объ немъ слы-
шалъ. Ла Валеппъ, принимав-
шій большое участіе въ осво-
божденіи Цигалы, съ величай-
шимъ вниманіемъ выслушалъ
всѣ подробности. Онъ рѣшил-
ся переговорить съ Портою
въ разсужденіи свободы плѣн-
никовъ, взятыхъ во время оса-
ды, и выкупить за какую бы
то ни было цѣну Жіованни.

Хопія казна ордена была весьма испощена войною, кошо́рая дорого́ оному стоила, и хопія большая часть помѣстій онаго на пвердой землѣ была заложена, однако же кредитѣ Мальтійскаго ордена столь былъ великъ, что ла Валеттѣ съ благородною гордостію увѣрялъ Цезаря, что не употреблено будетѣ на выкупѣ Жіованни ни его имущества, ни же собственности Цигалы. Онѣ при-совокупилѣ, что въ скоромѣ времени сдѣланѣ будетѣ договорѣ о размѣнѣ плѣнныхъ съ Константинополемѣ; что во ожиданіи онаго Турецкіе плѣнники тщательнѣо будутѣ охраняемы, и что онѣ предупредилѣ Порту, что на нихъ опмѣнены будутѣ всѣ мученія, какія Турки заставятѣ прѣтерцѣвать Христіанѣ.

Обрадованный симъ увѣреніемъ Цезарь возвратился къ Марку Дорію, и въ продолженіи двухъ недѣль безпрестанно находился подлѣ его постели. По прошестіи сего времени больной обвѣяненъ былъ въ опасности, а Цезарь награжденъ за свои попеченія тѣмъ, что онъ узналъ его. Когда здоровье позволило ему говорить: то Адимарій замѣтилъ, что военные пруды ни мало не перемѣнили страннаго его характера. Нѣсколько разъ въ минушу разговоръ принималъ новый оборотъ и предметъ онаго перемѣнялся. Ни радость, ни печаль, никакое чувство не было въ Марко продолжительно. Между прочимъ вдругъ заговорилъ онъ о характерѣ Беатрисы Бриньо-лешши. — Лишь только Дорій

произнесѣ имя Беатрисы, какѣ Цезарь запрепещалѣ; но стыдясь своей слабости сказалѣ ему:

„Всѣ мои несчастія, Марко! суть справедливое наказаніе за мою глупость. Клянусь тебѣ, что я давно уже излѣчился отѣ страсти къ сей опасной вѣтренницѣ.“

„Постой! вскричалѣ Марко, если ты станешь бранишь ее: то я подумаю, что сердце твое не совсѣмѣ еще вылѣчилось; но какѣ бы то ни было, однакоже, чпобѣ утѣшить тебя спюль высоко цѣнящаго красавицу, — я скажу тебѣ, чпю ты можешь видѣть ее теперь безѣ всякой для себя опасности; потому чпю розы увяли на щекахѣ ея, а на лицѣ примѣтны признаки глубокой меланхоліи.“

Цезарь поблѣднѣлъ; потому чиню горестныя воспоминанія представились его воображенію. Можетъ бытъ онъ надѣялся найти причину сей перемѣнѣ.

„Гдѣ ты ее видѣлъ?“ спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

„Во время послѣдняго моего путешествія въ Сицилію по приказанію великаго Магистра. Она прибыла тогда изъ Испаніи въ сопровожденіи своей матери, которая симъ путешествіемъ надѣялась разсѣять прежнія ея горести. Я видѣлъ Беатрису въ самой день прибытія ея въ Мессину.“

„Она вѣрно слышала тамъ о смерти Жіованни?“

„Конечно. Я самъ сказывалъ ей объ этомъ.“

„Ты! . . . несчастная! . . . такъ по этому ты былъ свидѣтелемъ ея отчаянія?“

При сихъ словахъ Марко не взирая на слабость свою громко захохоталъ. Цезарь подумалъ сначала, что это слѣдствіе его болѣзни; но когда увидѣлъ, что сіе происходило отъ веселости: то бросивъ на него суровый взоръ, всталъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты.

„Прости меня, сказалъ Марко свѣнѣкоторымъ безпокойствомъ, вѣдь ты знаешь, что я имѣю веселый характеръ; даже самые ужасы осады не могли испребить во мнѣ этой глупости. Впрочемъ это только и помѣшало мнѣ прослышавъ чужакомъ въ свѣтѣ, не опинимая однако же у меня удовольствія всегда смѣяться надъ тѣмъ, что я нахожу забавнаго

въ другихъ. Въ теперешнемъ случаѣ я дѣлалъ невольное сравненіе между картиною, какую ты воображаешь о горести Беатрисы и тѣмъ, что видѣлъ своими глазами — и, признаюсь, никакъ не могъ удержаться отъ смѣха. Когда я видѣлъ ее въ Мессинѣ: то она была въ опчаяніи отъ того, что оставлена какимъ-то Донъ Антониємъ или Донъ Альфонзомъ, не знаю какъ назвать его; — и потому извѣстіе о смерти Жіованни приняла она, какъ будто бы совсѣмъ его не знавала. “

Цезарь закрылъ глаза рукою; но уже не съ прежнимъ чувствомъ.

„Любезный ея Испанецъ,“ продолжалъ Марко, „оставилъ ее услышавъ о нѣкоторыхъ изъ прежнихъ ея приключе-

ній, и бѣдная моя двоюродная сестрица сдѣлалась теперь предметомъ всеобщаго презрѣнія и посмѣянія. Она сожалѣла о своей собственной участи; но не воображай, чѣмъ она вздыхала о тебѣ, Жіованни, или о комъ бы то ни было. Сіи легко воспламѣняющіяся сердца, охладѣвши однажды — навсегда остаются таковыми.“

„Правило сіе щитаю я весьма справедливымъ,“ сказалъ Цезарь съ притворнымъ спокойствіемъ; но будучи однако же глубоко уязвленъ ожесточеніемъ Беатрисы, „предоставляю тебѣ разсуждать о томъ на досугѣ.“ Сказавъ сіе онъ поспѣшно удалился.

Повѣствованіе Марко погрузило Цезаря въ глубокія размышленія: Онъ вспомнилъ о словахъ Жіованни, которыя сей

послѣдній часто повторялъ: что всякое несчастіе съ нами случающееся всегда рано или поздно имѣетъ щастливое слѣдствіе, если не надъ участію нашею: то по крайней мѣрѣ надъ характеромъ. — И въ самомъ дѣлѣ сколь велико было бы его несчастіе, еслибъ онъ узналъ недоспѣлки Беатрисы соединясь съ нею неразрывными узами? Адимарій трепеталъ при одной мысли о такомъ положеніи, и оплакивая участь особы, которую нѣкогда любилъ, просилъ небо: возврати ей опять всеобщее уваженіе и сдѣлай ее щастливою.

Воспоминаніе о Беатрисѣ заставило его вспомнить также и о Камиллѣ. Видя, что Марко выздоравливалъ, онъ отправился на островъ де ла Сангль

посѣтитъ могилу, заключающую остатки обѣихъ супруговъ. — Приближаясь къ сему мѣсту онъ ощутилъ столь глубокую горестъ, что не могъ не сдѣлать себѣ вопроса: хорошо ли человѣкъ дѣлаетъ умножая свои горести въ жизни — и самъ изыскивая, такъ сказать, горестныя чувствованія? — Сердце и разумъ утвердительно отвѣчали ему на сей вопросъ: “Лучше,“ сказалъ одинъ мудрецъ, “ищи въ домѣ плача, нежели въ домѣ веселія.“ И сіе въ самомъ дѣлѣ справедливо; потому, что если мы не предаемся только беспресшанной меланхоліи, которая препятствуетъ исполненію нашихъ обязанностей: то минувшее возобновленіе впечатлѣній, напоминающихъ намъ о друзьяхъ, коихъ мы лишились, умяг-

чаеѣ нашѣ нравѣ, очищаеѣ сердце, возвышаеѣ душу и распространяеѣ кругѣ нашихѣ привязанностей.

Вѣ ту самую минуту, какѣ Цезарѣ пришелѣ на кладбище, луна до половины сокрытая вѣ облакахѣ изливала слабый свѣтъ на сосны осѣнявшія могилу. Море орашало подошву скалы и вѣтерѣ развѣвалѣ по землѣ листья старой фиги, высохшей онѣ солнечнаго зною. Одинѣ только шелестѣ походки Цезаря прерывалѣ глубокую тишину ночи, и ему казалось, что шумѣ вѣтра и волнѣ соединялся сѣ стenanіями его сердца, угнетеннаго горестью. Даже самое воспоминаніе, что Ііованни еще живѣ, не могло уменьшить тоски, имѣ ощущаемой. Споя на колѣняхѣ передѣ могилою, онѣ произно-

силѣ имѣна Камиллы и Толеда и обнималѣ землю, покрывавшую ихѣ останки. Но ничто не соотвѣтствовало его обвѣщаніямъ, и глубокое безмолвіе царствовавшее вокругъ него, поселило въ душѣ его горестную увѣренность, что не существуютъ уже тѣ, которыхъ онѣ призывалѣ. Эта увѣренность погрузила его въ задумчивость; онѣ вспомнилѣ о несчастіяхъ, ознаменовавшихъ жизнь его и приписалѣ ихъ наконецъ истинной причинѣ — своему характеру. Попомѣ подумалѣ, что жизнь сія была еще сохранена, что Жіованни существовалѣ, что Родольфѣ не погибѣ еще, и что наконецъ онѣ имѣлѣ щастіе споспѣшествовать выздоровленію Марко Дорія. Всѣ сіи мысли перемѣнили скорбь его въ сладост-

Мал. Рыц. Ч. IV. 32.

ную меланхолію, и онъ оставилъ кладбище совершенно увѣрившись въ премудрости и благосии Провидѣнія.

Истинное удовольствіе ожидало его по прибытіи въ Борго: Принцъ Мельфи только что прибылъ туда. Сей храбрый мореходецъ пріѣхалъ изъ Генуи въ Мессину, получивъ требуемое имъ позволеніе итти на помощь о с т р о в у Мальтѣ съ условіемъ: заплатить республикѣ, въ случаѣ если принужденъ будетъ оставить свои галеры.

Прибывши въ Сицилію онъ въ одно и тоже время услышалъ, что осада снята и что сынъ его находится при смерти. Последнее извѣстіе уменьшило радость произведенную въ немъ первымъ, и сей нѣжный отецъ, исполненный безпо-

койства, отправился одинъ на островъ Мальту. Цезарь, пришедши къ Марко, нашелъ его сидящимъ подлѣ постели сего послѣдняго, слушающаго его шутки, но между тѣмъ съ безпокойствомъ взирающаго на лице его. Слѣды слезъ примѣтны были на щекахъ почтеннаго старца, однакоже онъ улыбался, и когда Цезарь вошелъ въ комнату: то поспѣшно вставши — бросился къ нему въ объятія.

„Адимарій!“ воскликнулъ онъ, сколь много я тебѣ обязанъ. Меня увѣряютъ, что единственно твои попеченія — возвратили жизнь моему Марко.“

Освободивъ Цезаря изъ своихъ объятій, Принцъ взялъ руку его и сей послѣдній почувствовалъ, что онъ надѣлъ ему на палецъ перстень. Адимарій

хотѣлъ поспомоществовать оный, чтобы извѣстивъ ему свою благодарность, и приближившись къ свѣту узналъ бриліантъ принадлежавшій его опцу. Онъ затрепеталъ и хотѣлъ отдать оный обратно; но Дорій просилъ его столь убѣдительно принять сей перстень, что онъ пришелъ въ величайшее смущеніе.

„Ты знаешь,“ продолжалъ Принцъ держа Цезаря за руку,“ что я получилъ отъ тебя сей перстень въ первые дни нашего знакомства, какъ залогъ, который ты со временемъ долженъ былъ выкупить. Могли ли ты благороднѣе заслужить оный, какъ не симъ вторичнымъ благодѣяніемъ, коимъ обязана тебѣ моя фамилія? Неужели ты предпочелъ бы вы-

купить сей перстень цѣною золота ? “

„Да сверхъ того,“ вскричалъ Марко , не ужели ты цѣнишь вещь сію дороже души моей ? потому , что ты спасъ не одно только мое тѣло. Теперь я могу сдѣлаться полезнымъ ; но если бы умеръ отъ раны : то сдѣлался бы, какъ говоритъ Дантъ, одною изъ тѣхъ несчастныхъ душъ, которыя ни добра ни зла не сдѣлали на землѣ. И такъ повѣрь мнѣ , прими перстень и сдѣлай это удовольствіе моему родителю.“

Цезарь взглянувъ на Принца и видя въ глазахъ его выраженіе крошости, признательности и убѣжденія , не могъ болѣе сопротивляться. Онъ поднесъ перстень къ губамъ своимъ и сердце его наполни-

лось воспоминаніями обѣ отцѣ. Поцѣловавши потомъ руку Принца Мельфи, Адимарій сѣлъ подлѣ постѣли Марко не могши ни слова выговорить.

Послѣ сего разговорѣ обратился на Жіованни. Принцѣ не сомнѣвался, чинобѣ онѣ когда нибудь не получилъ свободы; но однако же предуготовилъ Цезаря къ отлагательствамъ и препятствіямъ, какіе Турки непременно станутъ дѣлать, чинобы умножить цѣну за его выкупъ. Адимарій, упоенный надеждою, ничего болѣе въ сію минуточку не требовалъ, и исчислялъ время, долженствовавшее пройти прежде нежели онѣ могъ навѣрное узнать обѣ успѣхѣ переговоровъ съ Султаномъ Солиманомъ. — Такъ какъ Порта отказалась отъ всякаго пря-

маго снѣшенія съ Мальтою: то и переговоры производились совершенно другими путями. Сіе обстоятельство весьма оныя замедляло, и Цезарь не въ состояніи бы былъ преодолѣть своего неперпѣнія, еслибъ не разсѣвали его присутствіе Принца Мельфи, утѣшенія мудраго ла Валеттина и необходимость ободрять безутѣшнаго Родольфа. Такъ проводилъ онъ цѣлыя недѣли съ самаго отбѣзда Турецкаго флота, до полученія оповѣща изъ Константинополя.

Оповѣств сей подобенъ былъ громовому удару. Порта согласна была размѣнять малое число плѣнниковъ, взятыхъ Турецкою арміею во время осады на своихъ солдатъ; но съ тѣмъ, чтобы Христіане прибавили денегъ за выкупъ;

чтожъ касается до Жіованни Цигала: то она не хотѣла выдавать его ни за какую цѣну. Отличныя достоинства, сдѣлавшія его столь драгоцѣннымъ для ордена, были причиною, что и непріятели весьма имъ дорожили. Храбрость его, таланты, поведеніе заславляли ихъ его бояться — и Солиманъ обвинялъ, что одинъ только Мустафа имѣлъ право располагать своимъ плѣнникомъ. Мустафа же съ своей стороны ни мало не намѣренъ былъ уступить гласу челоуѣколюбія. Спѣхъ его воспламенился отъ пораженія имъ претерпѣннаго, стыда и жестокихъ упрековъ Султана. Онъ поклялся, что никогда не возвратитъ сего ненавистнаго Христіанина, коего мужество и благоразуміе столь часто

поржеснивовали надъ умнѣйшими и храбрѣйшими изъ Турокъ. Одно только повелѣніе моего государя, прибавилъ онъ, можетъ воспренити мнѣ омытъ въ крови славнѣйшаго изъ рыцарей безчестіе нанесенное мнѣ побѣдою ла Валенша. Всѣ спаранія и просьбы Посла Христіанскаго остались безуспѣшны, онъ никакъ не могъ получить аудіенціи.

Великій Магистръ самъ сообщилъ Цезарю сіе печальное извѣстіе и сдѣлалъ сіе со всевозможною предосторожностію. Адимарій жестоко былъ пораженъ опымъ и долго оспава́лся погруженнымъ въ глубокой задумчивости; но вдругъ, какъ бы возбуждась отъ оной, вспалъ и вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова; забывъ даже, что не сдѣлалъ никакого опш.

Мал. Рыц. Ч. IV.

И

вѣща на ласковыя слова ла Валетта. Онъ занялся предпріятіемъ, которое не позволяло ему ни о чемъ другомъ думать; пошелъ къ своему плѣнному Еврею и сказалъ ему:

„Рубенъ! ты увѣрялъ меня въ своей благодарности, да и теперь взоры твои выражающіе оную несравненно болѣе, нежели слова, и я имъ вѣрю. Хочешь ли оказать мнѣ услугу?“

„Отъ всего моего сердца! отвѣчалъ старикъ, я готовъ пожертвовать даже жизнью если это для васъ нужно.“

Цезарь посмотрѣлъ на него нѣсколько минутъ съ чувствомъ, а потомъ продолжалъ, стараясь говорить твердымъ голосомъ:

„Принимаю твое предложеніе, и сей часъ скажу тебѣ въ

чемъ состоитъ услуга, кою-
рой отъ тебя требую. Тур-
ки не хотѣтъ взять выкупа
за Жіованни Цигалу; но онъ
будетъ свободенъ, хотя бы
то стоило мнѣ жизни или сво-
боды: не хочу терять ни ми-
нуты для его освобожденія.
Правда, что не знаю еще ни
мѣсцопребыванія его, ни того,
какъ мнѣ поступить; но я рѣ-
шился не имѣть ни одной спо-
койной минуты въ жизни, по-
ка не успѣю въ семъ предпрі-
ятіи. Согласишься ли помочь
мнѣ въ этомъ случаѣ, если въ
награду я буду обѣщать тебѣ
свободу? “

На блѣдномъ лицѣ Рубена
блеснули радость и удивле-
ніе. „О, любезный господинъ!
вскричалъ онъ, я сдѣлаю все
для спасенія вашей драгоцѣнной
жизни. “

Цезарь пожалъ ему руку и они стали вмѣстѣ изыскиватьъ способы для исполненія своихъ намѣреній. По долгомъ разсужденіи наконецъ рѣшили: чтобъ Рубенъ тотчасъ получилъ свободу и отправился въ свое отечество въ сопровожденіи Цезаря, переодѣпаго въ платье Еврея. Адимаріи хорошо говорилъ по Франкскіи (*) и припомъ довольно зналъ простонародный Греческій языкъ, чтобъ усовершенство-

---

(*) Извѣстно, что Франкскій языкъ есть смѣсь Италіанскаго, Французскаго, Греческаго и Турецкаго языковъ; онъ весьма употребителенъ въ торговыхъ городахъ Леванта.

вашь себя въ ономъ въ случаѣ нужды. Кромѣ того по физиономіи своей онъ могъ быть печшенъ за Егрея или за Грека. Во время осады, подобно большой части рыцарей, онъ отроспилъ себѣ бороду, что весьма благопріятствовало его переодѣванію. Остальное же не трудно было пріобрѣсти.

Жилище Рубена находилось на островѣ Зантъ, и сіе обстоятельство было для нихъ благопріятно, пошому что Мустафа назначенъ былъ Губернаторомъ въ Сентъ-Моръ, сіе было почетною немилостію. Близость сего острова отъ Занта, могла способствовать Цезарю узнать, взялъ ли онъ съ собою своего плѣнника, между тѣмъ какъ домъ Рубена служилъ бы ему главною квартирою, откуда онъ могъ бы

Мал. Рыц. Ч. IV. И 2.

дѣйствовать. Рубенъ предполагалъ, что если они навѣрное узнаютъ, что Жюванни находится въ Сент Моръ: то посредствомъ большой суммы денегъ не трудно будетъ найти человека, который бы способствовалъ его бѣгству. Еслижъ планъ сей не получилъ бы успѣха: то они могли поступать, смотря по обстоятельствамъ.

Успѣхъ предпріятія наиболѣе зависѣлъ отъ неизвѣстности, въ которой должно было хранить отъ всѣхъ истинное званіе Цезаря, Рубенъ увѣдомилъ его, что имъ вмѣстѣ надобно будетъ ходить въ Синагогу. Сіе предложеніе причинило ему сначала нѣкоторое внутреннее безпокойство; но одной минуты размышленія дошатающе было для убѣжденія

его въ томъ, что онъ не нарушалъ правилъ своей религіи согласившись на сей поступокъ; потому, что не отвергалъ чрезъ сіе своего Спасителя, который сказалъ, что онъ пришелъ не уничтожить, но исполнить писанное въ законѣ. Впрочемъ религія Моисея составляла часть Христіанской религіи и, Цезарь думалъ, что можно безъ нарушенія святыни соединять свои молитвы съ молитвами богослуженія, хотя не совершеннаго; но по крайней мѣрѣ не идолопоклонническаго.

Исполненный нетерпѣнія и надежды, Цезарь возвратился къ ла Валенту, чтобъ уведомить его о своемъ предпріятіи и взять позволеніе на полученіе нужныхъ для сего денегъ. Онъ нашелъ Великаго Ма-

гистра вѣ комнаѣ Марка Доріа, похваляющаго сего молодого челоѡка за прекрасные поступки вѣ присуѡствіи его ошца, и сими похвалами вознаграждающаго его за претверпѣнныя спраѡанія. Ни ла Валеттѣ, ни Доріи, ни сынѣ его не старались удерживаѣть Цезаря отѣ предпринимаго имѣ на-мѣренія. Только дали почувство-ваніѣ ему, сколь неблагоразумно вѣвѣряться челоѡку, котораго онѣ почти совсѣмѣ не знаѣ и припомѣ Еврею — подвласпно-му шой Державѣ, которая удерживала вѣ плѣну Жіованни.

„Ты нѣсколько лѣтѣ прину-жденѣ будешь скипаться по островамѣ Левантскимѣ,“ ска-залѣ Доріи,“ не открывши да-же мѣста, гдѣ содержится другѣ твой, а между тѣмѣ служба твоя пропадетѣ.“

„Теперь,“ возразилъ Цезарь съ пивердостію, „я имѣю одно только намѣреніе: найти своего друга, а впрочемъ не забочусь о томъ, какъ проведу остатокъ жизни. Правительство можетъ выключить имя мое изъ списка морскихъ Офицеровъ; но оно никогда не истребитъ заслугъ моихъ. Припомъ же человекъ, занимавшій въ Мамыи какое нибудь мѣсто, можетъ презирать несправедливостію и небреженіемъ.“

„Какая гордость!“ сказалъ Марко засмѣявшись.

„Скажете лучше: какое благородство,“ сказалъ ла Валеттъ оборотивъ къ безразсудному Марко!“ не стыдитесь никогда, молодой человекъ, показывать, что вы умѣете занимать ваше мѣсто; потому, что мы не дорожимъ только тѣми качест-

вами, которыхъ не умѣемъ цѣ-
нить. Тотъ не имѣетъ ника-
кого достоинства въ характе-
рѣ, кпо не увѣренъ въ своихъ
заслугахъ. И вы также не
считайте себя ни виновнымъ,
ни смѣшнымъ, если сердце ва-
ше заблется въ то время, какъ
спанутъ говорить объ осадѣ
острова Мальшы. “

Пріятная улыбка ла Валет-
та при произнесеніи послѣд-
нихъ словъ умягчила суровость
упрека, коимъ онъ началъ рѣчь
свою. Марко поклонился ему
завраснѣвшись, а храбрый
Принцъ Мельфи благодарилъ
Великаго Магистра какъ за
урокъ, такъ и за похвалу.
Послѣ сего разговоръ обратил-
ся на прежній предметъ. Они
долго разсуждали объ ономъ, и
Цезарь получивши отъ друга
своего нѣкоторыя мысли, рѣ-

ишился онѣми воспользоваться и оставилъ ихъ будучи внѣ себя отъ радости; потому, что получилъ желаемое. Безъ всякаго труда выпросилъ онъ свободу Рубену, а ла Валентинъ обѣщался держать у себя Родольфа и имѣть обѣ немъ попеченіе — во всю время опсушства Цезаря.

Ему оставалось исполнить еще одну трудную обязанность: убѣдить Родольфа, что онъ противъ воли оставлялъ его въ Мальтѣ, и что рѣшился на сіе единственно потому, чтобъ сдѣлать легчайшимъ побѣгъ Жіованни; потому, что чѣмъ болѣе было бы переодѣтыхъ, тѣмъ труднѣе былъ бы побѣгъ сей. Сія мысль была причиною того, что Цезарь хотѣлъ одинъ вхвать для исполненія своего предпріятія.

Какъ онъ ожидалъ, такъ и случилось: — досада Родольфа близка была къ бѣшенству, когда онъ услышалъ, что не будетъ имѣть участія въ предпріятіи. Онъ твердилъ только, что не боится ни опасностей, ни рабства, ни смерти, и что готовъ всѣмъ пожертвовать для свободы своего господина: Наконецъ Цезарь принужденъ былъ сказать ему ласково, но съ твердостію:

„Добрый Родольфъ! я вижу, что ты готовъ сдѣлать все для него, но только не хочешь сдѣлать того, что для него полезно. Повторяю тебѣ, что еслибъ я былъ увѣренъ, что могу возвратить свободу твоему господину цѣною твоей свободы или даже жизни: то ни мало не воспротивился бы жертвованію, какое ты хо-

чешь сдѣлать; но я говорю тебѣ, что это бесполезно, ты не знаешь ни языка, ни обыкновеній той страны, гдѣ онъ находится, и это препятствуетъ тебѣ покуситься одному на такое предпріятіе; а я уже тебѣ прежде объяснилъ почему невозможно отправиться намъ обоимъ. Ты говоришь, что хочешь доказать чрезъ сіе Жіованни привязанность свою къ нему и благодарность; ну чтожъ! докажи ему сіи чувствованія одержавъ побѣду надъ самимъ собою. Повѣрь мнѣ, что онъ будетъ умѣть цѣнить твое пожертвованіе. Онъ узнаетъ, что легче умереть для него, нежели скрывать чувства благодарности. Предположи, что только одна малая лодка, едва могущая помѣстить двухъ человѣкъ, пред-

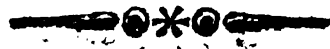
Мал. Рыц. Ч. IV. I

стоитъ намъ для спасенія: ты знаешь своего господина, онъ лучше о п я т ь отдастся въ плѣнъ, нежели оставитъ вѣрнаго Родольфа.“

Родольфъ печально опустилъ голову: „Ваша правда,“ сказалъ онъ наконецъ,“ побѣждайте одни, Синьоръ Адимарій. Ахъ! какъ вы счастливы!“

Цезарь пожалъ ему руку и старался его утѣшить лестными надеждами, что ему и удалось.

Приготовленія къ отбѣзду скоро были кончены, и въ концѣ Октября мѣсяца Цезарь пустился съ Рубеномъ въ Сицилію; тамъ они сѣли на нейтральное судно отправлявшееся въ Ионическое море.

Г Л А В А V.

Было время, когда одна мысль увидѣть Грецію, возвышала душу Цезаря и представляла глазамъ его тѣхъ умершихъ знаменитыхъ Великихъ Мужей, которые еще живупъ въ исторіи; но теперь безповойство, ощущаемое имъ въ разсужденіи успѣха предпріятія, соединясь съ мыслию объ униженіи, до котораго доведена теперь Греція, было причиною, что онъ приближаясь къ достопамятнымъ ея берегамъ не ощущалъ никакого восторга. Однако же постепенно чувства его сдѣлались способными къ принятію новыхъ и пріятныхъ впечатлѣній.

Вошедши въ каналъ, отдѣляющій островъ Кефалонію отъ

Занѣта, Цезарь вдыхалъ въ себя благовонія испускаемыя симъ послѣднимъ, и они пріятнымъ образомъ прохладивъ его успокоили. Восходящая луна посребряла вершины горъ Морейскихъ, и наконецъ взошедши на горизонтъ освѣтила и отдаленныя горы Эпира.

Въ то время какъ судно разсѣкало сребристыя волны, Рубенъ показывалъ Цезарю вдали по одну сторону Коринфскій заливъ, по другую же зеленѣющіеся холмы Аркадіи. Цезарь не могъ насытить взоровъ своихъ предметами ему представлявшимися. Священный ужасъ объялъ его, когда онъ вспомнилъ о происшествіяхъ, ознаменовавшихъ берега сіи. Ему казалось, что безчисленныя плѣнныя пары вѣду въ воздухъ; онъ видѣлъ передъ собой Геро-

евъ, Мудрецовъ и Поэтовъ, которые пролепали мимо его, между тѣмъ какъ память въ то же мгновеніе представляла ему ихъ знаменитыя дѣянiя.

Судно плыло величественно и проходило попеременно: то мимо виноградниковъ, то мимо плантацій оливныхъ и пассолиныхъ, (*) то мимо померанцовыхъ рощъ, которыя или углублялись въ долинахъ, или украшали оплогости горъ; но лишь только вступили они въ заливъ острова Занпа, какъ мысли Цезаря переѣхались. Городъ, выстроенный на ономъ въ видъ Амфитеатра, походилъ нѣсколько на Геную и на

(*) Пассолиною называется по Италіански Коринфскій виноградъ.

Мал. Рыц. Ч. IV. I а.

полнилъ сердце Адимаріа сладостными воспоминаніями. Воды залива, блестящія подобно алмазамъ, и опдаленные звуки свирѣли, раздававшіеся изъ лѣсу, среди коего построена была крѣпость, придавали новыя пріятности меланхолической ночи.

„Прекрасная сцена!“ вскричалъ Цезарь смотря вокругъ себя, „не ужели я долженъ взираеть на нее съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ горестію. Ахъ! возвратишь ли ты мнѣ моего друга?“

Онъ обратился къ Рубену, который говорилъ смущеннымъ голосомъ. Сей старикъ оставилъ въ Зантѣ дочь свою вдову, слабую здоровьемъ и обремененную дѣтьми. Онъ столь трогательно изъяснялся объ ней и объ дѣлахъ ея, и споль-

ко безпокойсва показавъ на
ея щетъ, что Цезарь совер-
шенно положился на его вѣр-
ность, будучи увѣренъ, что
добрыя склонности суть глав-
нѣйшія доказательсва чести-
сти.

Пріѣхавши въ Зантъ Рубенъ
имѣлъ щастіе найти дочь свою
въ живыхъ и поправившуюся
въ здоровьѣ. Радость, кото-
рую показала она увидѣвъ сво-
его отца, была новымъ доказа-
тельствомъ честныхъ правилъ
сего старика.

Рубенъ представилъ Цезаря
дочери своей подъ видомъ моло-
даго человека ихъ націи, кото-
раго выкупилъ изъ неволи изъ
уваженія къ его талантамъ и
нѣкоторымъ услугамъ имъ ему
оказаннымъ, сожалѣя о великой
цѣнѣ, которую принужденъ
былъ заплатить за его выкупъ.

Весьма понятно, что по случаю условія ихъ объ освобожденіи Жіованни, невозможно было Рубену благопріятно говорить о Христіанахъ. Сверхъ того будучи признателенъ, онъ тѣмъ не менѣ дорожилъ жизнью и старался всѣми средствами предохранить ее отъ опасности. Онъ забралъ себѣ въ голову мысль, что свобода Жіованни могла быть возвращена не иначе, какъ черезъ посредство подкупленныхъ агентовъ дерзкаго Паши, и надѣялся легко успѣть въ томъ посредствомъ значной суммы денегъ, но въ противномъ случаѣ хотѣлъ имѣть въ готовности средство для сокрытія собственного поступка. Почему вмѣсто того, чтобы торговаться о свободѣ Христіанскаго Рыцаря, признавшись въ уча-

стіи, какое въ оной принима-
етъ, Рубенъ хотѣлъ предста-
вить людямъ, которымъ пору-
чена стража Жіованни о глу-
пости Паши, который отка-
зывался отъ принятія богата-
го выкупа, предлагаемаго ему
орденомъ. И такъ онъ хотѣлъ
сказать имъ, что если они най-
дутъ средство отдать ему
плѣнника, сдѣлавъ видъ, что
онъ самъ бѣжалъ: то онъ Ру-
бенъ раздѣлитъ съ ними боль-
шую сумму денегъ, а самъ
будетъ награжденъ за ту цѣ-
ну, которую заплатилъ за соб-
ственную свободу.

Въ Зантѣ никто не сомнѣ-
вался въ справедливости повѣ-
ствованія, какое Рубенъ сочи-
нилъ о своемъ невольничествѣ;
и Цезарь удивляясь искусству
старика и важности съ какою
онъ рассказывалъ, ни мало не

противорѣчилъ ему въ басни о мученіяхъ, претерпѣнныхъ будто бы имъ въ башнѣ святаго Ангела. Такимъ образомъ всѣ почипали его за человека справедливо раздраженного противъ Христіанъ и совершенно неспособнаго быть съ ними въ согласіи.

Чтобъ оправдать вымыселъ о своей бѣдности, Рубенъ жилъ съ крайнею бережливостію и беспрестанно старался занимать своего мнимаго слугу, подъ видомъ будно бы онъ зарабатываетъ деньги, употребленныя на его выкупъ.

Цезарь онъ природы весьма способенъ былъ къ механикѣ и въ продолженіи осады имѣлъ случай часто оною заниматься, будучи принужденъ подобно другимъ Офицерамъ раздѣлять труды рабѣниковъ; а

такъ какъ онъ особенно искусенъ былъ въ поспроеніи кораблей: то Рубенъ воспользовался симъ, чтобъ доставить ему занятіе, не подвергая его взорамъ людей беспрестанно посѣщавшихъ его лавку. Онъ купилъ небольшое судно нѣсколько поврежденное, которое и принялся починивать говоря, что намѣренъ послать оное въ Ипалію, нагрузивши медомъ и Коринфскимъ виноградомъ. “ Можешь быть, присовокупилъ онъ “ мимоходомъ я пристану и къ сосѣднимъ островамъ, чтобъ дополнить грузъ; потомъ, что симъ средствомъ только надѣюсь вознаградить жестокіе убытки, мною понесенные. “

Извѣстія, полученные Рубеномъ на щетъ Паши, дѣлали необходимыми такіа предосто-

рожности; потому, что все предвѣщало, что пребываніе ихъ въ Зантъ продолжится болѣе нежели они думаютъ; и если во все это время Цезарь останетсѣ празднымъ, то присутствіе его возбудитъ сначала любопытство, а потомъ подозрѣніе. Они узнали, что Паша оставивши Константинополь, медленно прѣѣзжалъ Романію и Албанію, и что вѣроятно онъ проведетъ нѣскольکو времени съ сыномъ своимъ, прежде нежели вступи́тъ въ отправленіе новой своей должности.

Цезарь не могъ не согласиться, что побѣгъ несравненно легче сдѣлать съ острова, находящагося почти противъ береговъ Калабріи, нежели изъ внутренности Греціи; такимъ образомъ надлежало съ терпѣ-

ніємъ дожидапсья вѣ Зантѣ
прибытія Паши вѣ Сент-Морѣ.
Тогда Рубенъ невозбуждая ни-
какого подозрѣнія могъ ѣхати
туда, подѣ предлогомъ нагру-
женія судна своего тамошними
произведеніями.

До сего времени все шло хо-
рошо. Цезарь имѣлъ совер-
шенную довѣренность къ Рубе-
ну, и съ удовольствіемъ видѣлъ
его благоразуміе; но хитрости
онимъ внушаемая, не столько
были для него пріятны; — оу-
нако же онъ забывалъ свои
респи вѣ кругу дѣтей Тама-
ри. Скоро челоѣколюбіе его
получило пищу, и было доста-
точно, чшобы уменьшить не-
терпѣніе, съ которымъ онъ
изчислялъ время.

Домъ Рубена построенъ былъ
вѣ прекрасной долині между
утесами. Промежду оливныхъ
Мал. Рыц. Ч. IV. К

плантацій примѣтно было море и часть Кефалонскихъ горъ, которыхъ зеленѣющія оплогости покрыты были богатыми виноградниками. Нѣсколько пониже находился сарай, — который касался магазиновъ и обширнаго помѣстья вдовы одного Греческаго купца. Госпожа сія, по смерти мужа своего, продолжала торговлю и содержала великое число невольниковъ, покупаемыхъ ею у Турецкихъ корсаровъ, которые занимались выжиманіемъ оливъ и винограду, разсаживаніемъ пассоліны и воспитаніемъ пчелъ. Сія женщина была скупа и безчеловѣчна, потому что обременяя работою своихъ невольниковъ обоего пола, она столь мало давала имъ пищи, что большая часть оныхъ совершенно были изнурены.

Сарай Рубена съ одной стороны обращенъ былъ къ древнему фонтану, осѣняемому гранатовыми деревьями и однимъ вѣтвистымъ яворомъ, которыя казалось не уступали въ древности самому фонтану. Невольники Лидіи: (такъ называлась Гречанка:) часто приходили къ оному черпать воду, и такимъ образомъ Цезарь имѣлъ случай говорить съ ними и выслушивать ихъ жалобы.

Между сими несчастными твореніями онъ замѣтилъ одну молодую женщину, которая будучи болѣе прочихъ слаба и изнурена, отличалась отъ нихъ пріятною осанкою, которая видна была даже сквозь грубую одежду. — Она была чрезвычайно стройна, и вѣтеръ иногда развѣвавшій волосы, по-

крывавшіе лицо ея, представляя въ вѣзру черты доспойныя рѣзца Фидіа и Клеомена. Но въ сихъ чертахъ изображались тогда болѣзнь и страданіе; щеки ея вѣдомились и покрыты были блѣдностію, — а лице, которое на девятнадцатой веснѣ долженствовало бы блистать здоровьемъ юности, помрачилось страхомъ и гореспію. — Несносная тяжесть казалось угнетала до половины закрытые взоры ея; — тѣмъ не менѣе Цезарь могъ въ нихъ замѣтить чрезвычайную кротость и нѣжную покорность; особенно когда она обращала ихъ къ небу, отъ коего ожидала помощи. — Слухъ его часто поражаемъ былъ вздохомъ, сопровождавшимъ сіе движеніе; — Цезарь часто приближался къ фонтану, чтобы смопрѣть

за дѣтьми Тамари, забавлявшимися собираніемъ гранадъ и дикихъ растѣній на берегу залива.

Зеила: (такъ называли однажды при Цезарѣ молодую невольницу:) всякой разъ подходя къ источнику, не преспавала обращать взоры свои на сіи невинныя ітворенія, и тогда нѣжная и сладостная выразительность замѣняла страданіе, которое они прежде показывали. Она казалось завидовала ихъ жребію, — или сожалѣла о какомъ нибудь предметѣ, — который видѣ дѣтей приводилъ ей на память. Зеила никогда не старалась ласкать ихъ, но примѣтно было, что взирала на нихъ съ удовольствіемъ.

Человѣколюбивый Цезарь замѣтилъ время, въ которое Зеила
Мал. Рыц. Ч. IV. К 2.

ила приходила къ фонтану и спѣшилъ самъ туда придти. Онъ помогаль ей наливать кувшины, изъясняя со-
страданіе къ ея участи. Снача-
ла Зеила молчала, была не-
внимательна къ его стараніямъ
и потчасъ уходила; но посте-
пенно она казалась къ нимъ
чувствительнѣе, нѣжной румя-
нецъ покрываль ея щеки и сле-
зы блиспали на длинныхъ рес-
ницахъ. — Близкое сосѣдство
и нужда быть съ людьми, ча-
сто привлекала Цезаря въ ма-
газины и земли Лидіи; тутъ
безпрестанно видѣль онъ Зеи-
лу, согбенную подъ бременемъ
работъ, превышавшихъ ея си-
лы; сравнивая рабскія обязан-
ности ея выполняемыя съ бла-
городными ея поступками и
осанкою, онъ болѣе и болѣе
увѣрялся, что она была знат-

наго происхожденія. Онѣ за-
сталъ ее однажды въ то вре-
мя какъ она обѣдала, и услы-
шалъ сіи слова тихо ею про-
изнесенныя по Италіански:
„Нѣтъ! нѣтъ! не хочу ничего
ѣсть, лучше умру скорѣе!“

Подошедши къ ней, онѣ при-
мѣтилъ, что она не прикаса-
лась къ пищѣ. Черезъ нѣсколь-
ко времени Зеила встала, ша-
таясь подошла къ дереву, и
прислонилась къ нему едва пе-
реводя духъ. — Томные взоры,
потѣ капившійся съ лица ея,
показывалъ до какой степени
она была истощена. Цезарь
это замѣтилъ и хотѣлъ при-
близить къ губамъ ея чашку
съ молокомъ, но она отошла
съ быстрымъ движеніемъ, ска-
завши: „Нѣтъ! нѣтъ! я не хо-
чу!“ Это были первыя слова,

которыя она къ нему обратила.

Судя по сему странному поступку, онъ вообразилъ, что она была помѣшана, и сія мысль съ увѣренностію, что она ему соотечественница, умножила участіе, принимаемое имъ въ ея жалостной участи. Однакожъ Зеила возбуждала не одно чувство состраданія; въ ея поступкахъ было нѣчто такое, что заставляло почитать ее. Вечеромъ, когда работы были оканчиваемы, Цезарь часто встрѣчалъ ее ведущую слѣпаго стараго невольника, коего вся работа состояла въ плетеніи корзинъ и ульевъ. Жалости своихъ со товарищей нещастія онъ былъ обязанъ отдохновеніемъ, которымъ положеніе его позволяло ему пользоваться. Старикъ

отъ природы своенравной, еще болѣе сдѣлался такимъ отъ болѣзней и несчастій, и за нѣжныя попеченія Зеилы платилъ бранью; но Зеила не престаивала ихъ ему оказывать. Онъ казалось забывалъ, что могъ вывести ее изъ терпѣнія, и чрезъ то быть оставленнымъ ею въ крайней бѣдности.

Когда Цезарь узналъ, что она была привязана къ сему неблагодарному и безразсудному человѣку только добровольными узами; когда видѣлъ ея состраданіе сквозь слезы, которыя негодованіе заставляло ее проливать, то не могъ не удивляться духу Христіанской благопворительности, которая умѣла побѣждать природное отвращеніе и справедливый гнѣвъ, чтобы помочь

спарику больному и страдающему.

Нѣсколько времени спустя послѣ сего загорѣлся флигель строенія, гдѣ жили невольники Лидіи мужескаго пола. Это случилось ночью; и безъ дѣятельности Цезаря и помощи оказанной имъ съ опасностію собственной своей жизни, весь флигель сдѣлался бы жертвою пламени, такъ какъ и многіе изъ невольниковъ. Весь домъ былъ свидѣтелемъ великодушныхъ стараній Цезаря, но Зеила молясь о сохраненіи своемъ, вдругъ произнесла имя бѣднаго слѣпато: Болѣзнь и страхъ воспрепятствовали ему найши открытое окно, въ которое спаслись его товарищи нимало не думая подать ему помощь. Услышавъ вопль Зеилы, Цезарь сошелъ съ лѣстни-

цы, на которой находился, влезъ въ окно въ комнату и вынесъ опшуда на рукахъ своихъ несчастнаго, спенавшаго въ одномъ углу оной. Онъ положилъ его къ ногамъ Зеилы, и вложивъ онѣмевшую руку старика въ ея руки, сказалъ ей: „Зеила, покрайней мѣрѣ мнѣ удалось доставить тебѣ хотя одну минуту блаженства.“

Зеила отвѣчала единымъ взоромъ, который на минуту прогналъ горестъ помрачавшую лицо ея. Сей взоръ глубоко проникъ въ душу Цезаря; но онъ поспѣшно удалился, чтобъ кончить благошворительную свою обязанность. Когда пожаръ былъ потушенъ: то нашли, что потеря не столь была велика, какъ предполагали. Лидія признательная къ

помощи и мужеству Цезаря, просила его сказать ей: Чѣмъ могла она доказать ему свою благодарность? Онъ въ сію минуту не рѣшился отвѣчать ей; но на другой день встрѣтясь съ Зеилою, увѣдомилъ ее о словахъ госпожи, спрашивая: не можетъ ли въ чемъ нибудь быть ей полезенъ? Зеила заплакала отъ удивленія и увѣряла его, что совершенно покорилась своей участи; но просила его употребить стараніе у Лидіи, чтобы облегчили спрѣданія ея подругѣ, которыя подробно ему описала. Старость и дѣтство были первыми предметами соспрѣданія Зеилы, и Цезарь удивляясь сей великодушной женщинѣ, забывавшей о самой себѣ, чтобы думать о несчастіяхъ другихъ, обѣщался выполнить ея прозь-

бу : въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ о томъ съ Лидією и получилъ желаемое.

Съ сей минуты Цезарь не переставалъ помышлять о Зеилѣ; онъ думалъ, что никогда и ни въ комъ не принималъ такого участія — и даже не встрѣчалъ особы, которая столько бы оное заслуживала. Товарищи ея несчастія, хотя и сколько же были злополучны, но никогда не прогали его столько разнообразіемъ своихъ поступковъ и положеній, и не заслуживали его почтенія оказывая состраданіе другъ къ другу. Зеила съ своей стороны нѣсколько времени казалась совершенно перемѣнившеюся; она чаще приходила къ фонтану, останавливалась тамъ, ласкала дѣтей Тамари и старалась снискать ихъ къ себѣ

довѣренность, украшая волосы ихъ и руки вѣнками и гирляндами изъ цвѣткѣвъ, иногда и Цезарь помогалъ ей въ семъ занятіи; тогда лицо Зеилы одушевлялось пріятностію, которая напоминала ему о выразительной фізіономіи Доны Камиллы.

Но скоро она перестала оказывать вниманіе къ Цезарю; — не старалась болѣе забывать о своихъ горестяхъ и робкій и принужденный видъ ея изгналъ довѣренность, которая начинала было между ими раждаться. Цезарь сказалъ ей о томъ; но не получа никакого удовлетворительнаго отвѣта — и видя, что она продолжала поступать съ нимъ по прежнему, самъ началъ отъ нее удаляться и не искалъ болѣе ея присутствія. Однако же не-

избяснимое чувство часто привлекало его въ тѣ мѣста, гдѣ она находилась; но лишь только Зеила примѣчала его, какъ поспѣшно удалялась, и скрывалась среди своихъ подругъ.

Однажды вечеромъ Цезарь сидѣлъ углубясь въ размышленія подлѣ фонтана, въ которомъ Зеила черпала воду. Онъ поднялъ взоры и увидѣлъ, что вмѣсто того, чтобы по обыкновенію уйти, она стояла на томъ же мѣстѣ и смотрѣла на него пристально. Глаза ихъ встрѣпились — и отъ сего Зеила покраснѣла съ чувствомъ, выражавшимъ болѣе нежели стыдъ; она ушла поспѣшно, и нѣсколько дней онъ не видалъ ее. Наконецъ однимъ вечеромъ проходя темною долиною, Цезарь увидѣлъ ее сидящую на берегу ручья, проше-

жавшаго среди долины. Подошедши тихонько — онъ подкрался къ ней, не будучи ею примѣченъ. Зеила сидѣла сложивъ руки и взирала на текущую воду. — Никогда Цезарь не былъ такъ пораженъ красотою ея, какъ въ сію минуту. Даже самое толстое шерстяное покрывало — было на ней прекрасно! — Но удивленіе уступило чувству жалости — и онъ подумалъ: „Увы! она такъ молода, — а уже погружена въ горести и несчастій!“

Шумъ, сдѣланный имъ приближаясь къ ней, заставилъ Зеилу вздрогнуть. Она потеряла равновѣсіе и упала въ воду. Цезарь бросился за нею, и вынеся на другой берегъ, который не такъ былъ крутъ, посадилъ ее тамъ. Паденіе лишило ее памяти. Хотя ру-

чей былъ и не глубока, но она упала внизъ головою, и волосы ея были совершенно отъ того мокры. Цезарь принялся вытирать ихъ. Но какъ онъ удивился, когда цвѣтъ ихъ, который до сего времени былъ темный, оспался на его мантии, а волосы сдѣлались блондинскими; — сей цвѣтъ волосъ былъ любезенъ для Цезаря, потому, что точно такіа волосы имѣлъ Жіованни.

Онъ вскрикнулъ; — отъ чего Зеила открыла глаза до половины закрышые, — и видя, что Цезарь пристально смотрѣлъ на ея волосы, покраснѣла и собравъ ихъ поспѣшно подъ покрывало свое, не извѣщая сего обстоятельства хотѣла уйти; но слабость и смущеніе такой произвели въ ней трепетъ, что она не могла сопротив-

ляться рукѣ съ нѣжностію ея удерживавшей.

„За чѣмъ вы меня убѣгаете,“ сказалъ Цезарь по Италіянски, голосомъ выражавшимъ нѣжнѣйшее состраданіе; взоры его извѣявали доброжелательство: „я желалъ бы быть вамъ полезнымъ, если это въ моей власти. Скажите мнѣ не Италіанка ли вы? Я бывалъ въ Италіи и можетъ быть въ состояніи буду помочь вамъ, если вы имѣете тамъ родспивенниковъ и если они въ состояніи васъ выкупить, то узнавши..“

„Въ состояніи ли они меня выкупить!“ повторила Зеила, „Ахъ! конечно въ состояніи! — но они оставляютъ меня здѣсь погибнуть; что я говорю? — Я потеряла право на нихъ жаловаться,“

Сказавъ сіи слова она попустила взоры свои въ землю.

Въ звукъ голоса и въ выраженіи лица ея было нѣчто такое отличное и прогашельное, что Цезарь спросилъ, смотря на нее пристально:

„Какого званія были ваши родственники? гдѣ они теперь?“

„Я никогда ихъ не наймю“, отвѣчала Зеила.

Цезарь опять со вниманіемъ посмотрѣлъ на нее. „Они должны быть чудовища, если знаютъ, что вы въ неволѣ, и если будучи въ состояніи васъ выкупить, того не дѣлаютъ!“

„Ахъ! не браните ихъ, они не заслуживаютъ съ сей стороны упрековъ“, воскликнула Зеила обливаясь слезами и стараясь уйти, но Цезарь крѣпко

схвативши ее за руку, продолжалъ:

„Я не могу васъ оставитьъ безъ того, чтобъ вы не сказали мнѣ: кто вы таковы? — Не одно пустое любопытство заставляетъ меня васъ о томъ спрашивать, но ваша молодость, вашъ полъ, ваши страданія — меня пронули. Если мнѣ удастся возвратитъ васъ въ отечество: то я почти себя истинно щасливымъ; — но для сего — мнѣ непременно надобно знать ваше Италіанское имя, и томъ несчастный случай, который ввергнулъ васъ въ это жестокое положеніе; — а безъ того я ничего не въ состояніи для васъ сдѣлать.“

„Но кто таковы вы сами — вызываясь такимъ образомъ услужитъ мнѣ?“ сказала Зеида прервавъ его съ изумленіемъ.

емѣ: Цезарь потупилъ глаза отъ ея взора, выражавшаго вмѣстѣ признательность, удивленіе и ожиданіе. Онъ почувствовалъ, что измѣнилъ самому себѣ нескромнымъ жаромъ, съ какимъ говорилъ; образъ Жіованни представился ему съ упрекомъ за сію безразсудность и онъ умолялъ. Зеила выдернула свою руку, которую онъ весьма слабо удерживалъ, и сказала ему тихимъ и вмѣстѣ выразительнымъ голосомъ:

„Я вижу — что каждый изъ насъ имѣетъ свою тайну; (говоря сіе, она показала пальцемъ на свои волосы) храните мою, а я буду хранить также вашу, — и станемъ другъ за друга молишься.“ Отчаяніе опять помрачило лице ея, и недождавшись отвѣта, она скрылась между деревьями.

Цезарь не могъ позабыть о
 семъ обстоятельстве; и днемъ
 и ночью оно возобновлялось въ
 его памяти, присоединялось да-
 же къ мечшамъ о Жіованни,
 которыя до сего времени одни
 только и занимали его. Вообра-
 жая прекрасные — трогатель-
 ные глаза Зеилы, и прелести
 всей ея особы, онъ не могъ по-
 нять для чего она осуждена
 была на самыя низкія работы;
 но потомъ подумавъ, что мо-
 жетъ быть сама Зеила пред-
 почла ихъ постыднымъ утѣ-
 шамъ Гарема, и сія мысль ум-
 ножила его въ ней почтеніе.
 Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о
 стараніяхъ ея скрывать себя,
 перемѣнѣ цвѣта ея волосъ и о
 твердомъ ея намѣреніи никогда
 не сказывать имени Италіан-
 скихъ своихъ родственниковъ,
 тѣмъ болѣе находилъ причины

удивляться. — Старался разрѣ-
 шить сію загадку, но не могъ. —
 Однакоже желая оказать услугу
 сей несчастной особѣ, онъ опять
 старался увидѣться съ нею на
 единѣ. Почему началъ чаще
 ходить къ Лидіи, и вмѣшива-
 ясь между ея невольниками,
 онъ имѣлъ случай вывѣдывать
 многое о Зеилѣ. Но всѣ, что
 могъ узнать о ней, заключалось
 въ слѣдующемъ: — Госпожа ку-
 пила ее у Турецкаго Корсара
 за три года тому назадъ, съ
 небольшимъ числомъ другихъ
 невольниковъ, изъ которыхъ
 нѣкоторые померли, а другихъ
 Лидія перепродала другимъ
 господамъ. Всѣ товарищи не-
 щастной описывали ее крот-
 кою и гошвою помогающею вся-
 кому; они говорили, что она
 часто въ часы отдохновенія
 ходила за больными, и что

иногда до шѣхъ порѣ работала, для облегченія невольниковъ старыхъ или немощныхъ, что падала отѣ усталости.

„Кажется она и живетѣ только одними слезами,“ при-
совокупилѣ одинѣ изѣ нихъ, “
потому что когда оспается
одна: то всегда плачетѣ, и не-
взирая на то, что изнемогаетѣ
иногда отѣ усталости и нуж-
ды; но когда придетѣ часѣ обѣ-
да: то едва прикасается къ
пищѣ и оставляетѣ другимѣ
свою порцію. “

Никто не могѣ вспомнить,
чтобѣ она назвала когда ни-
будь свою фамилію или упомя-
нула о томѣ мѣстѣ, гдѣ роди-
лась: Такимѣ образомѣ Цезарь
ничего не узналѣ, и получилѣ
только одно новое очевидное
доказательство, что она не-
щастлива.

Судя по малой цѣнѣ, какой она стоила госпожѣ своей, и небольшой выгодѣ, какую она ей приносила своею работою, Цезарь думалъ, что ему легко будетъ ее выкупить; но желая однако же знать, куда она намѣрена была ѣхать, когда получитъ свободу, онъ старался всячески поговорить съ нею. Однако же Зеила тщательнѣе прежняго убѣгала его — и Цезарь видя, что всѣ труды его были напрасны, иногда готовъ былъ оставить ее навсегда: „Потому“ думалъ онъ „что я никакой пользы не вижу услуживъ ей; я желаю только избавить ее отъ жестокаго положенія, въ какомъ она находилась, и можетъ быть тѣмъ спасти ей жизнь; а послѣ вѣроятно я никогда ее не увижу. Но она сопротивляется истин-

ному чувству Христіанскаго милосердія, — предполагая. Богъ знаетъ что! — и какъ будто бы питая ко мнѣ ненависть. Слѣдовательно я дурно дѣлаю занимаясь ею, когда долженъ помышлять только о моемъ Жюванни.”

Цезарь не находился теперь въ опасности почестъ удовлетворенное свое самолюбіе за любовь! . . . .

Г Л А В А VI.

Принявши такое рѣшительное намѣреніе, Цезарь нѣсколько времени не ходилъ къ своей сосѣдкѣ: и жотя Зеила по прежнему приходила къ фонпianу за водою, но онъ продолжалъ свою работу не помогая ей.

Всякой разъ, когда ему случалось о ней вспомнить, онъ снѣдался изгонять образъ ея изъ своихъ мыслей и думать только о своемъ Жіованни.

Между тѣмъ Мустафа приближался съ необыкновенною медленностію; говорили; что онъ уже въ Эпирѣ, но никто не зналъ кто съ нимъ ѣхалъ. Дни, часы, минуты казались вѣками безпокойному духу Цезаря; безпрестанное неисполняемое ожиданіе терзало его страхомъ и истощало его силы; онъ сталъ даже опасаться, что у него не достанетъ вѣнъ, когда Жіованни приѣздитъ въ Сени-Морѣ, тѣмъ болѣе, что самый успѣхъ его предпріятія зависѣлъ отъ присутствія духа. — Услужливый, но вмѣстѣ и благоразумный Рубенъ, не спѣшилъ такъ какъ

бы хотѣлось Цезарю ; онѣ из-
 биралѣ средства столь искус-
 нныя и медленныя для дости-
 женія цѣли, что Цезарь упре-
 каѣ его иногда за излишнюю
 робость. Кѣ безпокойству
 Адимарія присоединялось вну-
 треннее неудовольствіе, что
 могѣ заниматься предметомъ,
 не имѣвшимъ никакого отноше-
 нія къ Жіованни. Иногда онѣ
 хотѣлѣ одинѣ идти въ Сент-
 Морѣ, что бы получить тамъ
 вѣрнѣйшія свѣденія — и думалѣ
 также, что будетѣ щастли-
 вѣе, не видя предѣ собою зло-
 получія Зеилы, потому, что
 она отказывалася принять его
 услуги ; и это умножало му-
 ченіе, какое онѣ ощущалѣ о
 жребіи своего друга. Однажды
 даже, видя ее подшедшею къ
 фоншану съ другою женщиною,
 онѣ поспѣшно удалился не ска-

завѣ ей ни слова. Будучи недоволенъ и обезпокоенъ симъ своимъ движеніемъ, внушеннымъ ему тѣмъ, что видѣлъ отвергнувшими свои благопворительныя намѣренія, онъ сныдился своего гнѣва за поступокъ, о которомъ не имѣлъ права судить неблагопріятно. Зеила также могла имѣть сильныя причины и столько же уваженія достойныя какъ и онъ, что бы скрывать свое имя и званіе: и шакъ сія наружная шайна могла ли оскорблять его; — и не ужели для сей бездѣлки онъ долженъ былъ опказаться отъ своего добраго намѣренія? — Вѣрно Жюванни не поступилъ бы такимъ образомъ? Нѣтъ, если онъ такъ поступилъ, то что будетъ съ ихъ дружбою? — Цезарь стыдился своей неперѣливости, началъ

Мал. Рыц. Ч. IV. М 2.

опять посѣщать сады Лидіи; — гдѣ чрезъ нѣсколько дней встрѣтился случайно съ Зеилою.

Ночь безъ сна проведенная и пріятная утренняя прохлада, заставили его прогуляться. Онъ оставилъ узкую внутренность долины, и вошедши въ оливныя плантаціи — сѣлъ подъ однимъ деревомъ и погрузился въ задумчивость. Устремивъ взоры на вершины Морейскихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, онъ совсѣмъ однако же не примѣчалъ ихъ, потому, что воображеніе его занималось благополучіемъ, коимъ прежде наслаждался и прошедшими спораданіями. Онъ помышлялъ о Принцѣ, о другѣ своемъ, о Толедѣ и Камилѣ, испуская частыя и глубокія вздохи, какъ вдругъ горестное стенаніе заставило его вздрогнуть и оглянуться.

Онъ увидѣлъ Зеилу прислонившуюся къ дереву; видъ ея былъ меланхолическій, — и прелестные глаза ея устремлены были на него; она примѣтно похудѣла, была блѣднѣе обыкновеннаго, и едва могла держаться на ногахъ. Какая трогательная кропость изображалась въ ея взорахъ! Какой прелестный румянецъ выступилъ вдругъ на щекахъ ея, когда Цезарь всталъ и поспѣшно къ ней приблизился. Онъ самъ не зналъ что дѣлалъ; — взялъ обѣ руки Зеилы, и сказалъ ей дружескимъ и вмѣстѣ укорительнымъ голосомъ:

„Я думалъ, что вы никогда уже не хотите со мною видѣться.“

„Я была больна, да и теперь еще не выздоровѣла,“ отвѣчала она шепеща и выдернувъ

у него свои руки. Тутъ Цезарь взглянулъ на нее съ большимъ чувствомъ.

„Такъ вы были больны? Ахъ! мы могли расстаться на вѣки! Зеила! . . . Не ужели вамъ непріятно по участию, какое я принимаю въ вашей участи? Не ужели вы не позволили бытъ вамъ полезнымъ, когда я въ состояніи это сдѣлать? — Я не могу вытерпѣть, чтобъ вы въ рабствѣ влекли жизнь свою! — готовъ своею пожертвовать. . . .“ Онъ остановился смущенный открытіемъ, которое сей часъ только сдѣлалъ. Вѣроятно и Зеила догадывалась о чувствѣ, въ которомъ Цезарь еще и самому себѣ не признался, но которое примѣтно было во взорахъ и словахъ его, потому что она потупила глаза, когда встрѣти-

лась съ его глазами; но потчасъ возбудясь какъ бы опѣсна, она отвернулася и отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. „Еще рано, сказала она, кажется никто не помѣшаетъ намъ: потому, что въ это время только я могу дышать на свободѣ! Вы принимаете во мнѣ участіе... и сожалѣете обо мнѣ болѣе, нежели я достойна. Желала бы сохранить.. заслужить ваше почтеніе и состраданіе; — но не хочу ихъ похищать.“

Произнесши сіи слова — она вздохнула пошупивъ глаза. Сердце Цезаря сильно забилося, когда онъ спросилъ самаго себя: „Не ужели она въ самомъ дѣлѣ не стоитъ того, чтобъ ею заниматься?“ но побѣдивши свое смущеніе, онъ взялъ руку Зейлы, и сказалъ

сѣ важностію : „Если вы хотя
малѣйшую имѣете ко мнѣ до-
вѣренность, то будьте совер-
шенно опровержены“ заклиная
васъ именемъ Спасителя наше-
го . . . .”

Цезарь не обратилъ внима-
нія на слова свои: почему и не
понялъ радостнаго удивленія,
выразившагося во взорахъ Зеи-
лы, когда она узнала, что онъ
Христіанинъ. Не давши ему
замѣтить, что онъ измѣнилъ
себѣ, она опять потупила гла-
за и сказала:

„Не смѣю назвать вамъ сво-
ей фамиліи; потому, что ли-
шась права на ея дружество,
я не могу почестъ ее слиш-
комъ строго въ разсужденіи
себя. Несчастная испорія моя
коротка, потому что и самая
жизнь моя была не продолжи-
тельна. — Мнѣ нѣтъ еще 19

лѣтъ, — а кажется будто бы цѣлой вѣкѣ прошелъ со времени безразсуднаго моего поступка. Я была еще робенкомъ, когда лишилась матери: отецъ мой не могъ заслужить любви моей; и кромѣ его я имѣла брата, который гораздо меня старше. Ахъ! какъ былъ драгоцененъ для меня этотъ братъ! какъ онъ былъ любезенъ! — ни съ кѣмъ на свѣтѣ не могу сравнить его! . . . Можетъ ли быть, чѣмъ онъ позабылъ обо мнѣ? — и не просилъ меня никогда? “

„Гдѣ же теперь братъ вашъ?“ спросилъ Цезарь съ трепетомъ. —

— „Увы! я не знаю; можетъ быть его нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Онъ вступилъ въ одинъ военный орденъ и съ того вре-

мнѣ и никогда его не видѣла. “

„Въ военный орденъ! вскричалъ Цезарь! не былъ ли онъ?..“ При сихъ словахъ онъ остановился, пристально посмотрѣвъ на Зеилу, и потомъ прерывающимся голосомъ просилъ ее продолжать.

„Ватюшка хотѣлъ выдать меня замужъ, но мужчина имъ избранный не нравился мнѣ, потому, что доброе имя его и поступки заслуживали нареканіе. Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ — я была любима молодымъ человекомъ, который природою и воспитаніемъ одаренъ былъ способностію покорить сердце и не сколько не опытное, каково мое. Однакожъ я думала уступить только чувству состраданія къ нему, и отвращенію

внушенному мнѣ женихомъ моимъ. Я всего опасалась со стороны отца, — любовникъ не давалъ мнѣ отдыху: боязнь, сожалѣніе, признательность, незнаніе самой себя и другихъ — въ одно время напали на меня. Братецъ былъ въ отсутствіи, а времени оставалось мало. Въ одинъ день, ужасный день! я позволила любовнику увезти себя и сдѣлалась его женою. “

Зеила закрыла руками пылающее и орошенное слезами лицо свое — и Цезарь невольно подражалъ ей. Мысль, поразившая его сначала, казалась оправданною. Онъ чувствовалъ ужасъ помышляя, что она принадлежитъ другому, и вмѣстѣ радость почитая ее сестрою Жіованни. Онъ не могъ говорить, и съ трудомъ могъ про-

изнести сіи слова: „И такъ вы за мужемъ?“

Спрашное безмолвіе послѣдовало за смѣсю надежды, боязни, и непонявшихъ желаній, — съ какими онъ слушалъ сначала исторію Зейлы, которая взглянувъ на него съ видомъ выражавшимъ страданіе, вскричала съ опчаяніемъ:

„Ахъ! такъ, вы правы, — удалитесь отъ несчастной, которая старается извинить себя въ неповиновеніи отцу, и презрѣннѣи обязанностей своего пола. Признаюсь — я виновна — и каждый день молюсь, чпобы Богъ простилъ мнѣ мое пресупленіе. Батюшка не хотѣлъ меня видѣть, а супругъ мой не согласился, чпобъ я просила посредничества брата. Вскорѣ характеръ мужа заставилъ меня совершенно

отказаться отъ надежды къ благополучію. Я много перенесла спраданій, любезный иностранецъ: но скажите, не ужели пять лѣтъ, проведенныхъ среди обманутыхъ надеждъ, жестокихъ мученій и суровыхъ опытовъ: не могутъ загладить проступка четырнадцати лѣтняго робенка?

Сердце Цезаря подвижно было различными чувствами. Глубокое раскаяніе злополучной; положеніе, въ которомъ она находилась; — возраспающая увѣренность, что она почто была сестра Жіованни, копорой онъ столь давно лишился; мысль, что безъ сего безразсуднаго брака, онъ самъ могъ бы нѣкогда соединиться сладостными узами съ симъ драгоцѣннымъ другомъ; жестокая увѣренность, что жребій сей не

для него былъ назначенъ, всѣ сіи чувства сражались въ его сердцѣ, выражаясь на лицѣ его. Нѣсколько разъ вздохнулъ онъ и старался утѣшить Зеилу прерывающимися словами; но горестъ ея сдѣлалась еще сильнѣе и она отвѣчала:

„Увы! всѣ ваши утѣшенія безполезны, потому что братъ мой находитъ преступленіе мое непроспительнымъ. Оно долженствуетъ казаться такимъ въ глазахъ его, потому что еслибъ онъ простилъ меня: то не оспавилъ бы спешать въ столь несчастномъ положеніи!“

Цезарь едва не выговорилъ, что знаетъ ея фамилію; но удержался. спросивъ ее только: знаетъ ли ея братъ объ участи, въ какой она теперь

находится ; — и какимъ образомъ оной подверглась? “

„Мужъ мой, продолжала Зеила съ потупленными взорами , имѣлъ нѣсколько вѣтренный характеръ. Два года спустя послѣ нашего брака , находясь въ Италіи , онъ пожелалъ ѣхать во Францію ; вмѣсто того, чтобъ ѣхать туда водою, мы отправились сухимъ путемъ вдоль по берегу. Въ одну ночь мы имѣли несчастіе попасться въ руки Турецкихъ морскихъ разбойниковъ , которые увезли насъ со всѣми молодыми жителями той деревни , гдѣ мы расположились ночевать. О, ночь ужасная! за которую послѣдовали дни еще ужаснѣйшіе! Доспигши Турецкаго корабля мужъ мой не переставалъ сопротивляться...“

Зеила остановилась, поблѣднѣвъ.

Мал. Рыц. Ч. IV.   Н 2.

ла, затрепепала и не имѣла даже силъ проливать слезы; Цезарь подошелъ къ ней, самъ не понимая чувства, возмущавшаго его души. Зеила, можетъ быть угадывая оное, сдѣлала усиліе, чтобы окончить и сказала: „Я видѣла, какъ онъ палъ мертвъ у ногъ моихъ.“

Еслибъ Цезарь не привыкъ преодолевать перваго движенія, то прижалъ бы ее къ груди своей; — онъ взглянулъ на нее съ нѣжнѣйшимъ состраданіемъ и вскричалъ: „И ты, Зеила.... молодая, прелестная..... беззащитная въ подобныхъ рукахъ... что съ тобою сдѣлалось?“ Зеила не отвѣчая еще покраснѣла.

„Они говорили мнѣ, что я была прекрасна, и ужасы, которыми я была окружена, заставили меня въ томъ не сом-

нѣваться... Увы! мы въ томъ только не сомнѣваемся, что причиняетъ наше щастіе! (она произнесла слова сіи съ глубокимъ вздохомъ.) Не ужели вы не догадаетесь о жребіи, который былъ мнѣ предназначенъ?.. О жребіи, который ожидалъ меня въ Константинополѣ? — Они называли это отпличіемъ... Отпличіемъ!... О, М а т е р ь Божія!“

Слова сіи пронзили сердце Цезаря, онъ опять посмотрѣлъ на нее — и думалъ видѣть въ ней самого Жіованни. Зеила продолжала тихимъ голосомъ и съ величайшимъ смущеніемъ.

„Душевные мои страданія имѣли дѣйствіе и надъ тѣломъ. Они причинили смерть младенца, въ которомъ надѣялась я найти источникъ благополучія. Я не плакала о его поше-

рѣ ; по тому , что не могла
 желать жизни диябляти , копо-
 рой долженъ былъ сдѣлаться
 рабомъ , а можетъ быть и нече-
 спивымъ Магомепаниномъ . Ахъ!
 нѣтъ , я благословляю руку ,
 которая взяла на небо сію не-
 порочную душу . Я возврати-
 лась къ жизни , но рѣшилась не
 возвращать красолы , которая
 едва не сдѣлалась для меня па-
 губною . Болѣзнь , недостатокъ
 пищи — не позволяли узнать
 меня . Меня увидѣли въ Кон-
 стантинополѣ , презрѣли и при-
 везши сюда съ остаткомъ эки-
 пажы продали госпожѣ , у ко-
 торой я теперь служу . О ща-
 сливая потеря того , что я
 никогда не почитала ! Сія увяд-
 шія и блѣдныя щеки , сія по-
 жудѣвшіе члены спасли душу
 мою , и я умру , о , Жіованни !
 не заслуживши покрайней мѣ-

рѣ съ твоей стороны отвращенія ! “

„Жіованни !“ повторилъ Цезарь пономѣ, котораго Розаура (это была она.) не могла понять, но который проникъ въ глубину ея сердца ; послѣ сего восклицанія онъ упалъ къ ногамъ ея не могши преодолѣть своей радости. Розаура подняла его, говоря:

„Отъ чего вы въ такомъ смущеніи ? — Вы повторили имя, которое у меня вырвалось, имя брата моего, — не требуйте, чпобъ я открыла вамъ свою фамилію. “

„Я ничего болѣе не требую — ничего болѣе не скажу „вскричалъ Цезарь въ восторгѣ отъ любви, надежды и удивленія. „Теперь я понимаю всѣ ваши тайны. . . . Перемѣна цвѣта волосъ вашихъ и лица. . . . Это

строгое воздержаніе.... Непрестанная работа, стараніе подвергать себя суровости воздуха.... все это имѣло одну только цѣль сохранить непорочную душу — на щетѣ сего прекраснаго тѣла..... И ты могла убѣгать меня! о Розаура....“

„Розаура!“ — вскричала его подруга изумленная, схвативъ обѣими руками его руку, и всматриваясь въ него. „Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, глаза его были голубые,“ сказала она и упала на правую, съ жестокимъ чувствомъ обманутой надежды. Цезарь не могъ болѣе преодолѣвать чувствъ своихъ.

„Вы видите предъ собою не Жюванини,“ вскричалъ онъ опять, бросившись къ ногамъ ея и взявши ея руку покрылъ оную поцѣлуями, — „но я другъ

его — другъ, который изба-
витъ васъ обѣихъ или самъ
погибнетъ. “

Розаура схватилась съ жад-
ностію за послѣднія слова, и
не замедлила получить под-
твержденіе боязни, которую
они возбудили въ душѣ ея. Въ
одно и тоже время она узнала
новости, что братъ ея былъ
живъ и долго искалъ ее, — и
что самъ былъ плѣнникомъ.
Это обстоятельство было мо-
жетъ быть къ щастію; пото-
му, что она не могла бы пере-
нести восторгу своего благо-
получія. Она горько плакала
узнавши о смерти своего от-
ца, тѣмъ болѣе, что Цезарь
не смѣлъ взять на себя увѣ-
рить Розауру, что онъ прос-
тилъ ее умирая. Она утѣши-
лась по крайней мѣрѣ увѣрен-
ностію, что Жюванни никогда

не получалъ ни одного извѣ-
стія, какія она посылала къ
брату съ однимъ выкупленнымъ
Христіаниномъ, который далъ
обѣщаніе вѣрно доставить пись-
мо въ Мальту; но или по при-
ѣздѣ его Жіованни былъ въ
отсутствіи съ сего острова,
или по небреженію сего Хри-
стіанина, только фамилія Ро-
зауры никогда не слыхала о
ея существованіи. Звукъ коло-
кола, призывавшаго невольни-
ковъ Лидіи на работу, раздал-
ся въ сію минути, и Розаура
вскочивши поспѣшно, сказала:
„Намъ надобно разспаться.“

„Разспаться!“ повторилъ
Цезарь; “а я хотѣлъ сообщить
вамъ столько новостей! Не мо-
жемъ ли мы опять увидѣться
въ этотъ часъ или въ другое
время? Вы открыли мнѣ свое
сердце, Розаура, и я также

желалъ бы открыть вамъ свое. И я также не искалъ вкрасѣ-
ся въ ваше почтеніе и довѣ-
ренность, и хотя братъ вашъ
простилъ мнѣ и возвратилъ
свою дружбу....“ Смущенный
Цезарь замолчалъ. Взоры Ро-
зауры встрѣтились съ его
взорами, они выражали все,
что она имѣла на сердцѣ. Сіе
сердце, никогда не любившее,
препешало при имяни любви,
и уже ощущало все могуще-
ство оной. Цезарь не произ-
несъ ни слова, отворотивъ взо-
ры и пожавши слегка ея ру-
ку, онъ возобновилъ прозьбу о
свиданіи на завтрашній день.

„Здѣсь, въ этотъ же самый
часъ,“ сказала тихонько Зеила
вырывая свою руку — и уда-
лилась.

Цезарь вошелъ въ уединенную
комнату, занимаемую имъ у
Мал. Рыц. Ч. IV. О

Рубена и старался успокоитъся онъ пріятнаго волненія, царспівовавшаго въ душѣ его. Надежда несомнѣннаго благополучія представлялась ему; единымъ взоромъ обнялъ онъ пространство сего благополучія и цѣпь странныхъ произшествій, копорыя его къ оному привели; впечатлѣніе произведенное надъ нимъ размышленіями было неизвѣсно; казалось, десница Провидѣнія вела его къ цѣли желаній; онъ не могъ сомнѣваться въ сердечныхъ чувствахъ къ себѣ Розауры, попому, что замѣтилъ движеніе ея, когда она узнала, что онъ не бралъ ея; но куда дѣвалось намѣреніе его довольствоватъся спокойствіемъ и дружбою? Три мѣсяца назадъ весь миръ заключался для него въ Жіованни и въ орденъ

святаго Тоанна. Цезарь сталъ бы стыдиться своего непостоянства, еслибъ не нашелъ извиненія въ обстоятельствахъ знакомства своего съ Розаурою, и открытію, что любезная его была родственница Жіованни. Заспавивши ее любить себя и женясь на ней, онъ исполнилъ бы первѣйшее желаніе ея брата, желаніе, бывшее прежде тщетнымъ, но которое могло теперь быть приведено въ исполненіе. Что же касается до самаго Жіованни: по хощя онъ и неразрывными узами привязанъ былъ къ своему ордену, но Цезарь вообразилъ тысячу способовъ наслаждаться почти всегда сообществомъ сего несравненнаго друга: однимъ словомъ, будущее представилось ему въ самомъ пріятнѣйшемъ видѣ:

Онѣ долго не могъ принять рѣшительнаго намѣренія въ разсужденіи Розауры; но наконецъ рѣшился вѣрить часть сей новой тайны Рубену; почему и сказалъ ему, что Зеила была изъ одной Италіанской фамиліи, копорая ему знакома; и что изъ дружества къ сей фамиліи онѣ желалъ бы возвратить ей свободу, не сомнѣваясь, чтобъ госпожа не уступила ее за самую дешевую цѣну, почему предложилъ Рубену купить ее подъ предлогомъ, будто бы она нужна была Тамари, помогать ей въ хозяйствѣ; привязанность же дѣтей Тамари къ Зеилѣ могла оправдать выборъ Рубена не подавъ подозрѣнія; — а послѣдніе успѣхи, сдѣланные имъ въ своей торговлѣ, могли предупредить ію удивленіе, какое

могла возбуди́ть така́я издерж-
ка. Цезарь надѣялся также
найти́ случай отпра́вить Ро-
зауру въ Ита́лію. Какой бы
ни былъ у с н ѣ х ъ стараній,
прилагаемыхъ Цезаремъ къ воз-
вращенію свободы Жіованни;
онъ надѣялся по крайней мѣрѣ
возврати́ть сестрѣ́ его пер-
вѣйшее благо въ жизни. Чув-
ствуя, что послѣ потерѣ Жі-
ованни, и самая Розаура не воз-
можетъ возврати́ть ему бла-
гополучія, онъ не могъ однако
же не призна́ться самому се-
бѣ, что если она выслушавъ
признаніе постыдной снрасти
его къ Беатрисѣ — не пере-
мѣнитъ рѣшимости своей раз-
дѣлять съ нимъ жребій, то
ему невозможно будетъ дожи-
даться позволенія Жіованни,
чтобъ увѣриться въ обладаніи
его сестрою. Въ сію мину́ту

Мал. Рыц. Ч. IV. О 2.

Цезарь ощущалъ до какой степени небо его унизило ; потому что не только прощенья , но и благополучія цѣлой своей жизни , долженъ былъ просить у того самаго Жіованни , — котораго сначала отвергалъ онъ себя , а потомъ жестоко оскорбилъ.

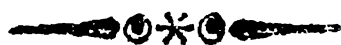
Розаура почитала себя возбужденною отъ мучительнаго сновидѣнія ; надежда столь долгое время была изгнана изъ ея сердца , что все имѣвшее даже малѣйшій признакъ благополучія причиняло ей удивленіе ; она почитала себя оставленною небомъ и землею , и время казалось ей столь продолжительнымъ , что будучи еще въ веснѣ лѣтъ своихъ , она думала , что достигла уже предѣла существованія , какъ вдругъ самая щастливѣйшая будущ.

ность открылась для нее. Спрадавши съ такою преданностью, она должна была наконецъ познать любовь взаимно раздѣляемую; — она опять начинала чувствовать почтение къ самой себѣ, видя себя любимую и уважаемую лучшимъ изъ человѣковъ. Она едва могла вѣрить самой себѣ, что это не сонъ; — кто привыкъ къ горести, тотъ не можетъ быть увѣренъ въ благополучіи; спраданіе кажется тому человѣку обыкновеннымъ порядкомъ вещей, а благополучіе скоро преходящимъ явленіемъ. Сначала видя къ себѣ вниманіе Цезаря, она почувствовала къ нему только признательность; но великодушіе, оказанное имъ въ день пожара, внушило ей нѣжнѣйшее участіе; она замѣтила опасность и старалась

избѣжати оной. Будучи виновна, она не престала быти сестрою Юлианни — и потому не смѣла и подумать купити себѣ свободу сдѣлавшись женою подлаго раба. Правда, что иногда казалось ей, что Цезарь не то былъ, чѣмъ казался, но она отдала отъ себя лестную мысль сію, рѣшившись загладити прежнюю вину свою — побѣдою надъ самой собою. Однако же мало по малу сердце Розауры воспламенилось въ уединеніи отъ удивленія добродѣтелямъ Цезаря: она не замѣчала красоты его — и стараніе Адимарія быть ей полезнымъ, возбуждало въ ней только признательность; но она не могла безъ живѣйшаго чувства видѣть его склонность къ благотворительности. Зрѣлище сіе было для нее

источникомъ не ожидаемыхъ удовольствій, — и она не могла устоять в зрѣніи на оное. Опасное удовольствіе! потому, что когда любовь внушена добродѣтелью, то и самый разумъ почти не можетъ запретить намъ любить. Различіе состояній, — чувства своей обязанности — вѣроятно уступили бы благородству поступковъ и убѣдительнымъ прозьбамъ; но необходимость Цезаря столь была велика, онъ такъ боялся сдѣлаться несноснымъ той, которую любилъ, что самъ, не зная того, доставлялъ ей пропивъ себя оружіе. Увидя, что Цезарь сталъ ее убѣгать, Розаура почла, что она ошиблась принявъ состраданіе его за любовь; но чѣмъ болѣе она его убѣгала, тѣмъ сильнѣе онъ любилъ ее

— и весьма далекъ былъ отъ того, чѣмъ думать сколько гордосѣе его мучила Розаура. Вмѣсто того, чѣмъ сравнивать поведеніе Розауры съ своимъ собственнымъ, что заставляло бы его найти истинную онаго причину, Цезарь искалъ въ ней тѣхъ же доказательствъ склонности, которыя получалъ нѣкогда отъ Беатрисы; но не видя оныхъ, почелъ ее равнодушною къ любви своей; когда же смущеніе Розауры открыло ему истинну, то онъ почелъ себя на верху блаженства отъ увѣренности, что былъ любимъ.

ГЛАВА VII.

Цезарь и Розаура увидѣлись на другой день съ симъ замѣшательствомъ, которое неразлучно бываетъ съ любовію. Первый спѣшилъ отъ онаго избавиться, начавши рассказывать повѣсть о дружбѣ своей къ Жіованни. Слушая сіе занимательное повѣствованіе, Розаура предавалась совершенно сладостному чувству привязанности своей къ Цезарю. Воспоминаніе, питаемое ею о братѣ своемъ, заимствовало новую пріятность отъ удивленія и признательности, внушаемыхъ ей благородными поступками его съ человекомъ, который составлялъ тогда часть ея существованія.

Слезы удовольствія орошали взоры ея, которыя не могли отвлечься отъ чертъ лица человека, раздѣлявшаго всѣ ея чувства. Дѣлая несносное признаніе въ страсти своей къ Беатрисѣ Бриньолеппи и бѣшенствѣ, до котораго довела его страсть сія, Цезарь покраснѣлъ, и въ то же время щеки Розауры покрылись живѣйшимъ румянцемъ. Сердце ея билось, но не отъ ревности. Она отдавала Цезарю справедливость, и не думала, чтобъ онъ могъ сохранить хотя малѣйшую любовь къ женщинѣ, ещѣ недостпойной быть любимой. Она сожалѣла о томъ только, что благородное сердце его — было игрушкою вѣтренницы; и чѣмъ болѣе сожалѣла объ немъ, тѣмъ болѣе презирала женщину, распорг-

шую священний узе́ль, соеди-
нявшій его́ съ Жіованіємъ. Це-
зарь не могъ изъяснить чувствъ
своихъ къ Беатрисѣ — и того
возмущенія, которое произо-
шло въ немъ, открывши ея не-
вѣрность; не стараясь увѣрять
ни Розауры, ни самого себя,
что во все это время былъ
подъ вліяніемъ очарованія. Онъ
желалъ бы убѣдиться въ томъ,
что никогда никого не любилъ
не выдавши ее — и наконецъ со-
общилъ сіе съ любезною иск-
ренностію и Розаурѣ. Такимъ
образомъ кончивши повѣсть
свою, онъ увѣдомилъ ее также
и о своихъ намѣреніяхъ; при-
совокупивъ, что если она удо-
стоитъ склониться на его же-
ланіе: то онъ найдетъ случай
отправить ее въ Мальту, гдѣ
она спала бы ожидать прибы-
тія Жіованни, въ освобожденіи

допорога Цезарь ни мало не сомнѣвался. Какъ описать чувствованія, какими объята была Розаура въ сіи минуты? Она столь долго была несчастною, оставленною небомъ и землею, не смѣла даже надѣяшися когда нибудь достигнуть желаемой цѣли: и вдругъ зрѣла передъ собою любовь, свободу, опечесство и своего брата! Она не могла выдержати смущенія, причиненнаго ей сими различными ощущеніями, — и мы не должны упрекать ее, если она, пренебревши въ семъ случаѣ свойственнымъ женщинамъ эпикетомъ, съ охотою согласилась на предложеніе Цезаря и пала безъ чувствъ въ его объятія. Цезарь осмѣлился взглянуть на ея прелести, которыя сдѣлались нечувствительными отъ великости благополучія; взоръ

его примѣшилъ взколзѣ даже ея шею, не уступающую въ бѣлизнѣ алебастру, которую онъ принужденъ былъ отворыть, чтобы сдѣлать свободнѣе дыханіе своей любовницы, и воображеніе изобразило ему восхитительную красоту Розауры, когда она уже не будетъ болѣе принуждена скрывать бѣлизну своего тѣла и цвѣтъ бѣлокурыхъ волосъ, которыя служили доказательствомъ родства ея съ Жіованіемъ. Смотря на нее, онъ представилъ себѣ сей стройный станъ, округленный здоровьемъ и благополучіемъ; сіи прелестные и трогательные глаза, улыбающимися ему съ безпечностію и спокойствіемъ. Но какъ ни пріятенъ былъ сей образъ, однакожъ онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть при-

жимая ее къ груди своей: — „Я еще болѣе люблю Розауру въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь находится!“ Цезарь не зналъ, что сердце, пылающее истинною любовью, легко привыкаетъ ко всѣмъ переменамъ, случающимся съ любимую особою. Только бы взоры ея выражали всегда ту же нѣжность и ту же добродѣтель, то они могутъ помрачиться и блистать другимъ пламенемъ — а мы во все не замѣтимъ сего различія.

Розаура скоро пришла въ чувства, и тогда румянецъ на щекахъ и слезы, выразили ея признательность. Планы къ освобожденію ея и Жіованни были подробно изъяснены, и они рѣшили между собою, чтобъ Цезарь нимало не медля выкупилъ ее у Лидіи. Когда

онѣ повторилѣ о необходимости, чпоѣ Розаура искала сеѣ убѣжища внѣ Турецкихъ владѣній: но она побѣдила, однако же не противорѣчила тому; сердце ея содрогалось, но разумъ убѣжденъ былъ въ справедливости его словъ. Еслиѣ она могла слѣдовать за своимъ любовникомъ, то не спрашивалась бы никакой опасности; но она не могла перенести тягостной мысли, чпо одна должна была переплыть море и могла быть вторично взята разбойниками. Однакожъ такъ какъ не было другаго средства, а свобода Жюванни была самымъ пламеннымъ желаніемъ ея сердца, то она погасила въ сеѣ сіе чувство отвращенія. Они разстались опять при звукѣ колокола.

Послѣ сего свиданія Цезарь усугубилъ свои напоянія. Рубенъ пошелъ къ Лидіи, и послѣ обыкновенныхъ рѣчей сталъ жаловаться на большія занятія своей дочери, и на то, что ее для нихъ недостаточно, и что она имѣетъ нужду въ женщинѣ, которая бы могла подавать ей помощь. Выразилъ сколько былъ щастливъ въ томъ, что небо дало ему теперь способы доставить помощь сію бѣдной дочери, и наконецъ достигши къ дѣлу, сказалъ: что ласки, оказываемыя Зеилою его внукамъ, заставили его ее замѣнить, и что онъ весьма бы радъ былъ, еслибъ госпожа сей молодой невольницы согласилась взять съ него за нее цѣну, которая не превосходила бы малыя его доходы. Лидія оцѣнила Зеилу столь дорого, чего

Рубенъ и не ожидалъ; согласуясь съ своими правилами экономіи, онъ отказался да и въ требуемую ею цѣну и ушелъ.

Когда Цезарь сіе узналъ: то пришелъ въ опечаленіе, и сколько надѣлалъ безразсудностей, что едва не подалъ тѣмъ подозрѣнія о знатномъ происхожденіи Зеилы, что могло бы также увеличить и цѣну ея свободы. Когда буря прошла, то Рубенъ обѣщалъ исправить вину свою. Цезарь принялъ обѣщаніе его, и Рубенъ возвращаясь къ Лидіи и пошартовавшись еще нѣсколько, наконецъ купилъ Зеилу.

Когда Адимарій увидѣлъ Розауру въ первой разѣ спокойно сидящею подъ одною съ нимъ кровлею, подлѣ доброй и крошечкой Тамари, то даже присудствіе сей послѣдней едва

м о г л о воздержать его отъ
 выраженій нѣжности и радо-
 сти. Розаура говорила съ
 нимъ взорами, но ихъ безмолв-
 нныя рѣчи были краснорѣчи-
 вы: Съ сей минуты здоровье
 и веселостѣ ея быспро возвра-
 щались. Работа назначаемая
 ей Тамарью была легка, и со-
 стояла въ раздѣленіи мате-
 ринскихъ ея попеченій, смол-
 рѣніе за ульями и пригото-
 вленіи простой пици для Рубе-
 на и Цезаря. Розаура съ удо-
 вольствіемъ выполняла сіи обя-
 занности, потому что любила
 дѣлать и при томъ всякое за-
 нятіе казалось ей пріятнымъ,
 лишь бы только оно м о г л о
 быть полезнымъ человѣку ея
 любимому. Часто, когда она
 подавала, а онъ принималъ изъ
 рукъ ея пироги съ медомъ, ко-
 торыя она сама пекла: то возо-

ры ихъ встрѣчались, — и они улыбались своему взаимному временному униженію. Такимъ-то образомъ они были всегда вмѣстѣ, и сердца ихъ тѣмъ теснѣе соединялись. Уже они знали взаимно великія свои совершенства; правила, чувствованія, вкусы, все согласовалось въ Цезарѣ и Розаурѣ; одно только различіе существовало между ихъ характерами: Цезарь былъ пылокъ, а Розаура робка. Она не смѣла еще возвратить тѣлу своему и волосамъ натурального цвѣта, но не взирая на переодѣваніе, красота ея проницала какъ солнце сквозь упрежня облака. Цвѣтъ лица ея блисталъ уже здоровьемъ, надеждою и радостію; ея руки ослѣпительной бѣлизны, которыя Цезарь иногда открывалъ, округля-

лись и принимали естественную имъ гладкость. — Въ сладостной безпечности и полнотѣ щастія, блиставшихъ въ ея взорахъ, любовникъ ея думалъ видѣть нѣкоторое сходство съ Жіованни; онъ находилъ однако же взоры ея прелестнѣе; попому что и самая дружба не имѣетъ столь прорагательной выразительности какъ любовь; но однако же глаза ея имѣли и цвѣтъ и форму глазъ Жіованни: глубокая горестъ въ нихъ недавно обитавшая исчезла... но навсегда ли?

Объ этомъ то часто Цезарь самъ себя спрашивалъ, когда разныя извѣстія, получаемыя имъ изъ Сенип-Мора, наполняли его безпокойствомъ; одной только свободы Жіованни не доставало къ его благополучію. Но столь великое благо-

получіе можетъ ли быть удѣломъ смершнаго?

Однажды, когда онъ предавался горестнымъ размышленіямъ о неопредѣленности человѣческой судьбы, и когда образъ Камиллы и Толеда углубилъ его задумчивость, Рубенъ вдругъ появился и далъ ему знакъ за собою слѣдовать; онъ повелъ его подъ тѣнь спарыхъ каштановъ, росшихъ не подалеку отъ фонтана, и тамъ увѣдомилъ, что шуринъ Тамари, молодой смѣлый человекъ, который всю жизнь свою проводилъ въ торговлѣ запрещенными товарами между островами Левантомъ и Сициліею, прислалъ съ кораблемъ своимъ въ маломъ заливѣ, лежащемъ въ малопосѣщаемой сторонѣ острова Занша. Рубенъ увѣрялъ Цезаря, что сей молодой

человѣкъ съ охотою возмется отвести Розауру въ Мальбу за порядочную плату, онъ назывался Николаемъ и жилъ въ Маганези, маломъ островѣ не подалеку отъ Сент Мора; онъ привезъ также извѣстіе о прибытіи шуда Паши съ большею свитою.

Сполъ интересныя извѣстія шняли на минути у Цезаря способность мысли; множество безпокойныхъ мыслей возстали въ душѣ его: могъ ли онъ расстаться съ Розаурою? ввѣрить ее продавцу запрещенныхъ поваровъ?—Однако же упустия сей случай принужденъ будетъ оставить ее въ Заншъ подъ покровительствомъ одной только Тамари; потому что онъ съ Рубеномъ тотчасъ должны были ѣхать въ Сент-Моръ; а если во вре-

мя ихъ отсутствія возражда-
 ющаяся красота ея поразила
 взоры какого нибудь Турецка-
 го тирана, то Цезарь чувст-
 вовалъ, что никакая власть не
 могла тогда спасти ее. Онъ
 не могъ даже и подумать самъ
 проводить ее въ Мальту и
 возвратившись доставивши ее
 безопасно на сей островъ, по-
 тому что путешествіе могло
 бытьъ продолжительно, а въ
 продолженіи онаго Жіованни
 могъ погибнуть, ибо жизнь и
 свобода плѣнника зависятъ ча-
 сто отъ одной минуты. И
 такъ обязанность Цезаря со-
 стояла въ томъ, чтобъ пору-
 чить Розауру во власть Про-
 видѣнія, а самому слѣдовать
 къ главной цѣли, состоявшей
 въ томъ, чтобъ заплащивъ
 брату своему долгъ призна-
 тельности и раскаянія.

Мал. Рыц. Ч. IV.

Р

Волненіе его столь было велико во время сраженія, производившаго у него въ сердцѣ, что наконецъ и Рубенъ оное замѣтилъ: „Сынъ мой, сказалъ онъ съ кротоспїю, я вижу, что вы не имѣете совершенной ко мнѣ довѣренности; но я весьма далекъ отъ того, чтобъ васъ въ томъ упрекать; я радъ, что вы благоразумны, это есть единственное средство успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ; вижу, что вы любите сію молодую дѣвицу, и боитесь ввѣрить ее Николаю и его поварщикамъ, потому, что почищаете ихъ бродягами; но я васъ увѣряю, что онъ человекъ честной, которой старается работать единственно для жены и своего небольшого семейства; онъ ни за что на свѣтѣ не согласится

нималѣйшаго зла сдѣлать Зеилѣ, только надобно, чтобъ вы дали ему что нибудь въ задатокъ, а также вѣрное обязательство на полученіе израдной суммы денегъ, въ то время, какъ онъ высадитъ ее въ Мальтѣ. Я жизнию ручаюсь, что она ни въ чемъ на него не пожалуется. “

„Я не могу, — да и не хочу повѣрить ее такому человѣку! вскричалъ безразсудный Цезарь въ совершенной нерѣшимости; прошедши до аллеѣ онъ возвратился въ Рубену и присовокупилъ: „Рубенъ! опси сюда только чепыре или не болѣе шести дней плаванія до Мальты; при томъ же и время года теперь благопріятное: нельзя ли упросить Тамари, проводить туда Зеилу? “

Рубенъ весьма удивился сему неожиданному предложенію, и потому не нашелся вдругъ что отвѣчать; но подумавъ не много, и безъ сомнѣнія предполагая, что она получитъ за сіе награду, обѣщался поговорить о томъ съ Тамарію. Такимъ образомъ они условились, что если Тамаръ охотно согласится, то отправитъ ее съ тремя дѣтьми и невольникомъ на суднѣ ея шурина, подъ предлогомъ, будто бы она ѣхала повидаться въ Маганези съ фамиліею своего мужа. Николай, отвезши Розауру въ Мальту, долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ ѣхать въ Маганези съ своею невѣсткою: — и сіе обстоятельство также могло подать благопріятный предлогъ путешествію Рубена въ Сент-Моръ. Кромѣ сего и та была выгода,

что Цезарь могъ снестись съ Великимъ Магистромъ; пошому, что онъ желалъ, чтобъ нѣсколько легкихъ судовъ орденна крейсировали по близости Сент-Мора въ то время, какъ онъ будетъ тамъ находиться.

Рубенъ пошелъ къ Тамари просить согласія ея на сдѣланное ими условіе, а Цезарь къ Розауръ увѣдомить ее, что время опыта наступило. Какъ онъ думалъ, такъ и случилось: она затрепещала отъ одной мысли бѣжать вмѣстѣ съ такими людьми, при томъ же зная, что Жіованни будетъ въ Сент-Морѣ, сердце влекло ея къ брату. Не могши, да и не желая скрывать своего смущенія, Розаура залилась слезами и оперлась на руку Цезаря, трепещущаго отъ нѣжнаго со-

Мал. Рыц. Ч. IV. Р 2.

участія. Слабый его голосъ не соопвѣтствовалъ доказательствамъ, какія онъ дѣлалъ, чтобы внушить ей мужество и рѣшимость. Наконецъ приподнявшись съ улыбкою, она сказала: „Сіи слезы пусть докажутъ тебѣ, мой Цезарь, сколько я спрадаю разлучаясь съ тобою; но я ничего не буду опасаться въ разсужденіи самой себя.. Если Тамарь согласится со мною вѣхатъ. Ахъ! нѣтъ! нѣтъ!“ прибавила она крѣпко сложивъ руки свои, „мнѣ не о комъ думать, — не за кого бояться, — кромѣ тебя и нашего Жіованни!“

„Нашего Жіованни!“ повторилъ Цезарь, восхищенный смысломъ, заключавшимся въ сихъ словахъ. Розаура слабо вырвалась изъ его объятій.

„Когда мы опять увидимся, сказала она, то всё наши страданія вознаградятся.“ Потомъ отъвертивъ глаза свои, орошенные слезами, она ушла, чтобъ безъ свидѣтелей предаться своей горести, и чтобъ привыкнуть побѣдить оную въ то время, когда наступитъ роковая минута.

Тамарь безъ труда согласилась на то, чего отъ нее требовали. Она любила Зеилу; — при томъ же и материнской ея гордости пріятна была мысль: показать дѣтей своихъ почтеннымъ родителямъ своего мужа; и такъ она считала себя обязанною своей семьей случаю къ полученію обѣщанной награды, цѣною нѣсколькихъ безпокойствъ и неприятностей.

Приготовленія къ путешествію скоро были кончены, и на другой день небольшое судно Николая, заключавшее въ себѣ драгоцѣннѣйшее сокровище Цезаря, оставило заливъ, — гдѣ было привязано, у подошвы крупныхъ скалъ горы Скопо. Цезарь долго оставался на вершинѣ слѣдуя глазами за бѣлѣющимъ парусомъ; и когда онъ совершенно исчезъ изъ виду: — то онъ ощутилъ столь жестокое предчувствіе, что отдалъ бы жизнь свою, лишь бы только возвратитъ назадъ Розауру; но желаніе его было столь же тщетно, какъ и самое предчувствіе, почему превозмогши свою слабость, онъ спалъ на колѣни, и молилъ Всемогущаго о покровительствѣ, какъ для нее, такъ и для своего предпріятія.

Г Л А В А VІІІ.

Занятія въ слѣдующіе дни разсѣяли нѣсколько безпокойства Цезаря. Маленькое судно Рубена было спущено на море и оснащено. Турецкій Начальникъ далъ ему позволеніе выйти изъ Порта съ условіемъ, заплатить ему третью часть изъ прибыли, какую получитъ отъ сего путешествія. Рубенъ не скрывалъ того, что онъ ѣдетъ въ Сепи-Моръ, гдѣ пріѣзdv богатого Губернатора обѣщалъ большой расходъ на Европейскіе и Индѣйскіе повзры. — Почему простившись съ своими друзьями въ Зантъ, и поручивъ домъ и магазины смотрѣнію одного изъ родственниковъ онъ поплылъ вмѣстѣ

ѣв нетерпѣливымъ Цезаремъ, который досадовалъ на то, что вѣтеръ не благопріятствовалъ ихъ плаванію. Плаваніе между островами, и совершенная тишина царствовавшая въ воздухѣ, воспрепятствовали имъ распускать паруса; и только уже въ полдень — на третьи сутки, они примѣтили берега Сент-Мора, который славенъ по Исторіи о печальной кончинѣ Сафо. Итальяскіе ушесы обратили на нѣсколько минутъ вниманіе Цезаря. Онъ думалъ слышать звукъ Гомеровой Лиры, раздававшійся въ чистомъ утреңнемъ воздухѣ; но теченіе воды увлекало ихъ, островъ Итаки исчезъ — и четыре часа спустя, корабль Рубена сталъ на якорь на Рейдѣ Сент-Мора.

Ничто не можетъ сравнить-

ся съ чувствами Цезаря, при выходѣ на берегъ. Никогда еще мысли его не были заняты столь великимъ предпріятіемъ; потому, что Жіованни одного только недоставало къ совершенному его благополучію.

Онъ безмолвно слѣдовалъ за Рубеномъ, который проходя самою населеннѣйшею частію города Сентъ-Мора, показалъ ему знакомъ великолѣпный Сераль, или дворецъ Паши. Мечеть и Кіоски — возвышались посреди кипарисовъ, и вѣчно зеленѣющихъ кедровъ; въ сихъ прекрасныхъ садахъ раздавались звуки музыки; наружность дворца блистала позолотою, мраморомъ и порфиромъ; но видъ онаго не имѣлъ никакой пріятности для глазъ Цезаря; потому, что онъ былъ темницею его друга.

Рубенъ встрѣтился на базарѣ съ Турецкимъ невольникомъ, изъ дому Муспафы, котораго онъ знавалъ во время осады. Воспользовавшись сею щастливою встрѣчею, онъ низко поклонился Юсуфу, и потчасъ началъ сочинять ему длинную выдуманную повѣсть о жестокостяхъ и корыстолюбіи Христіанъ. Юсуфъ слушалъ — и всему вѣрилъ. Цезарь же, знавшій къ чему клонился вымыселъ хитраго его товарища, внималъ повѣсти съ притворнымъ равнодушіемъ, подъ которымъ старался скрыть свое безпокойство. Рубенъ съ своей стороны показалъ знаки живѣйшаго соучастія, когда Юсуфъ описалъ ему бѣгство Турокъ, прерывая его отъ времени до времени восклицаніями, особенно когда сей говорилъ о

помѣ, что самъ претерпѣлъ во время осады. Такимъ образомъ увѣрившись въ расположеніи къ себѣ Юсуфа, онъ сказалъ нѣсколько словъ относительно пріѣзда своего въ Сент-Морѣ, говоря, что хотѣлъ продать нѣсколько товаровъ большой цѣны, чтобъ быть въ состояніи изъ прибыли отъ того полученной, совершенно нагрузить свое судно, и потомъ отправиться въ неупральную Тріэстскую гавань. Онъ надѣялся, что Юсуфъ найдетъ средство рекомендовать его нѣкоторымъ изъ офицеровъ приближеннымъ къ Пашѣ, что бы Его Превосходительство могъ самъ видѣть рѣдкости имъ привезенныя, а можетъ быть и купить изъ оныхъ нѣсколько для женщинъ своего гарема; въ такомъ случаѣ, говорилъ

Мал. Рыц. Ч. IV.

С

Рубенъ, “ я извѣявилъ бы мою признательность другу, оказавшему мнѣ услугу сію. “

Юсуфъ попалъ въ сѣть, обѣщаясь поговорить съ однимъ изъ чиновниковъ Паши, который говорилъ, что онъ въ большой милости у него; поэтому, что имѣлъ даръ увеселять своего господина. Назначивши Рубену мѣсто въ Сералѣ, гдѣ онъ завтра поутру могъ спросить о семъ чиновникѣ, Юсуфъ оставилъ ихъ.

Цезарь видѣлъ уходъ его съ крайнею досадою, потому, что тщетно дожидался, чтобъ Рубенъ заговорилъ о Жіованни: почему и обвинялъ его въ небреженіи. Но Рубенъ оправдывался, говоря: что надобно употреблять величайшую осторожность, и что еслибъ онъ началъ теперь спрашивать о

плѣнникѣ, которымъ Мустафа сполько дорожилъ, по покушеніе его бытъ введеннымъ во дворецъ могло бы возродитъ подозрѣнія.

„Можетъ быть завтра я услышу объ немъ и не спрашивая,“ прибавилъ онъ, „что будетъ еще лучше; въ прошивномъ же случаѣ, я найду средство, спараясь узнать о судьбѣ двадцати человекъ различного состоянія, спросить: Что сдѣлалось съ Христіанскимъ рыцаремъ, послѣ смерти Мурада Рейса?“

Цезарь не охотно согласился на сіи неизбѣжныя предосторожности. Ему казалось, что духъ его будетъ спокойнѣе и терпѣливѣе отъ одной только увѣренности, что Жіованни живъ и находится въ Сент-Морѣ. Онъ забывалъ о томъ,

сколько сіе обспоятельство
 долженствовало произрести въ
 немъ новыхъ безпокойствъ, по-
 тому, что минута рѣшенія
 участи его друга, черезъ то
 приближалась бы. Рубенъ по-
 челъ себя обязаннымъ, сколько
 возможно удалять Цезаря отъ
 взоровъ людей, — опасаясь,
 чтобъ частая его задумчивость
 не сдѣлала его замѣтнымъ, какъ
 то случилось въ Зиннъ, — и
 не заставила на щепъ его освѣ-
 домиться; почему и совѣто-
 валъ опасаться сколько воз-
 можно болѣе на суднѣ, и при-
 ходить въ городъ для того
 только, чтобы знать въ оный
 дорогу, пошому, что сіе по-
 знаніе могло быть необходимо
 для него на будущее время.
 Адимарій, взирая на небольшой
 морской рукавъ, раздѣлявшій
 островъ Сент-Моръ отъ швер-

дой земли, мечпалъ, что онъ переплылъ оный вплавъ съ Жіованніемъ, прыпался съ нимъ въ густыхъ лѣсахъ вѣнчающихъ горы, которыми ограничивался горизонтъ. Ахъ! какъ бы я былъ щастливъ,“ вскричалъ онъ,“ еслибъ могъ сего достигнуть!“ Рубенъ, нашедши для себя кварширу въ городъ, проводилъ Цезаря до шлюбки, на которой онъ долженъ былъ доѣхать до судна, и расстался съ нимъ, обѣщаясь завтра принести благопріятныя новости.

Цезарь всю ночь провелъ безъ сна, расхаживая по палубѣ и помышляя, то о Жіованні, то о Розаурѣ. Довѣренность его опять уснупила мѣсто боязни; потому, что нѣжное сердце никогда не можетъ наслаждаться спокойствіемъ; каждый порывъ вѣтра, произ-

водилъ вѣ немѣ сердечной трепетѣ, потому, что могъ на вѣки рѣшить участь Розауры! Попомѣ взирая на Сераль Паши, онѣ восклицалъ: „Я надѣюсь найти тамъ Жіованни, а можетъ быть прахъ его давно уже почиваетъ вѣчнымъ сномъ на какомъ нибудь кладбище невѣрныхъ!“

Тысячи мрачныхъ мыслей сопровождали горестное сіе мечпаніе. Когда Рубенѣ увидѣлся съ нимѣ поутру, то примѣпилъ на лицѣ его признаки, сколь худо провелъ онѣ ночь. Спарикѣ поговоривши нѣсколько времени съ мапротами, сошелъ вѣ свою каюту, заставляя Цезаря догадаться о томѣ, что онѣ могъ за нимѣ послѣдовать: сей послѣдній не терялъ ни минушы. Когда онѣ вошелъ и съ нетерпѣніемъ при-

ближался къ Рубену, то сей послѣдній вспалъ и заперши дверь сказалъ ему тихимъ голосомъ: „Будь спокоенъ, сынъ мой! другъ твой живъ.“

— „Здѣсь ли онъ?“

— „Здѣсь, въ самомъ дворцѣ Паши.“ Цезарь обнялъ спарика, и предавшись радостному восторгу примѣтилъ, что слезы текли по щекамъ Рубена. Такое соучасніе возбудило въ немъ живѣйшую признательность; но скоро прекративши извѣявленіе оной, онъ просилъ сообщить себѣ подробности о положеніи Жіованни. Рубенъ узналъ принесенныя имъ извѣстія, частію slučajемъ, частію же вопросами съ осторожностію сдѣланными. Онъ не могъ быть представленнымъ въ этотъ день въ высокое присутствіе чиновника

Паша? — Но ему подали надежду, что въ скоромъ времени удостоится сей чести. Однакожь онъ не упустилъ времени съ Юсуфомъ, кою, въ не взирая на угрюмую молчаливость сродную Туркамъ, довольно былъ болтливъ. Рубенъ узналъ отъ него, что Жіованни находился иногда въ восточномъ флигелъ дворца, будучи заключенъ въ глубокой пѣмницѣ, и что, чрезъ каждые два часа, часовые смѣнялись у дверей. Паша, прибавилъ Юсуфъ, не поступаетъ еще съ симъ Христіаниномъ со всею строгостію, какой онъ заслуживаетъ, потому, что посѣщаетъ его иногда, и ласкаетъ тщетною надеждою на полученіе свободы. Иногда — рассказываетъ ему о блистательныхъ побѣдахъ одержанныхъ надъ Хри-

стіанами, и особливо любиѣвъ повипоряѣть ему, что Мальша, не получивѣ ни отѣ кого помощи. находилась во власпи Султана, и что орденѣ быѣвъ уничтоженѣ. Паша хранилѣ однако же обѣщаніе, данное своему племяннику, — не лишая жизни Жіованни, и не заставляя его терпѣть недостатка ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ; но за то онѣ наслаждался чистымѣ воздухомѣ только во время ночи на Террасѣ, гдѣ высокія кипарисы, насаженные во внутреннемѣ дворѣ, скрывали его отѣ всѣхѣ взоровѣ. Спража сопровождала его на сію террасу; а часовые, возлѣ поставленные, не позволяли и думать о томѣ, чѣмѣ поговорить съ нимѣ во время прогулки. Жіованни не предоставлено было даже никакой забавы; отказа-

но было въ книгахъ, и въ бумагахъ для письма; и онъ не могъ ни съ кѣмъ говорить, кромѣ самаго Мустафы, или шуша Тапарина, который приходилъ съ тѣмъ, чѣмъ насмѣхались надъ нимъ, нарочно выдуман-ными баснями на щетъ побѣдъ Турокъ.

Радуюсь извѣстію, что другъ его живъ, Цезарь почувствовалъ, что не можетъ быть счастливъ, пока не избавитъ Жіованни отъ узъ его гонителей. Почему просилъ Рубена, тотчасъ стараться подкупить кого нибудь, не страшась легкихъ опасностей, — и употребить на сіе дѣло векселя ввѣренныя ему Мальпійскимъ орденомъ. Рубенъ, который самъ сталъ принимать большое участіе въ этомъ дѣлѣ, обѣщалъ всѣ средства употребить, и

возвратясь въ городъ ничѣмъ другимъ уже не занимался.

Цезарь, оставшись одинъ, не имѣя уже тѣхъ упражненій, какими занимался въ Зантѣ разгоняя скуку въ праздное время: онъ проводилъ цѣлые дни расхаживая по палубѣ корабля; а вечеромъ ходилъ въ городъ, гдѣ узнавалъ отъ Рубена успѣхи, сдѣланные симъ послѣднимъ въ теченіи дня. Тогда была середина зимы, и вершины Пинда были покрыты снѣгомъ; — вѣтеръ свиспалъ въ лѣсахъ лишенныхъ зелени, и волны съ яростію разбивавшіяся о береговыя скалы, соединяли единообразный и печальный звукъ свой съ ревомъ бури. Душа Цезаря нечувствительно согласовалась съ напурою, и не взирая на то, что долженъ былъ благодарить Бо-

га, онъ едва не предался отчаянію. Иногда вечеромъ скишался онъ въ окрестностяхъ Сераля, ощущая бѣшенство при мысли, что такое малое разстояние отделяло его отъ друга.

Между тѣмъ Рубенъ нѣсколько дней сряду посѣщалъ дворецъ Муспафы. Не могли быть представленнымъ къ самому Пашѣ, онъ посылалъ ему чрезъ Ошмана (такъ назывался Офицеръ) шелковые матеріи, шали Европейскія, дорогія вещи, привезенныя имъ съ собою. Торгуясь, онъ нарочно не сбавлялъ цѣну, чтобы подолѣе оспаваться, и чрезъ это если можно познакомиться съ симъ Татариномъ. Такимъ образомъ удалось ему вызнать совершенно характеръ сего человѣка — и къ щастію найти его

благопріятнымъ для всѣхъ на-
мѣреній. Отманъ весьма лю-
билъ роскошь, но еще болѣе
деньги, онъ былъ кротокъ отъ
нечувствительности, — легко-
вѣренъ, и неспособенъ предви-
дѣть отдаленной опасности,
особенно когда дѣло шло о на-
стоящемъ удовольствіи. Онъ
былъ веселаго свойства, и
имѣлъ талантъ сочинять сти-
хи; множество шуточныхъ пѣ-
сней, которыя пѣлъ онъ съ
искусствомъ весьма забавляв-
шимъ его господина, — достав-
ляли ему большое уваженіе въ
Сералѣ. Находясь всегда при
Пашѣ въ свободные часы сего
последняго, Отманъ привыкъ
къ непринужденности, кото-
рая по немногу дала ему пра-
во говорить много такого, за
что другой заплатилъ бы го-
ловою. На сіи-то качества Ру-

Мал. Рыц. Ч. IV. Т

бенъ и полагался, въ разсужденіи успѣха своего предпріятія. Каждый разъ посѣщая С е р а л ь, онъ развертывалъ передъ глазами Опмана какую нибудь богашую матерію, которую сей послѣдній всегда начиналъ торговать: Рубенъ съ начала запрашивалъ большую цѣну, а потомъ уступалъ ниже того, чего она стоила, жалуясь съ веселымъ видомъ на отличный разумъ и любезность Опмана, противъ которыхъ, говорилъ онъ, никто не могъ успѣть, и которые могли раззорить его.

Симъ средствомъ Р у б е н ъ выискалъ дружбу Татарина, и во время краткихъ разговоровъ съ нимъ, ему часто случалось дѣлать замѣчанія: что Папа весьма дурно дѣлаетъ удерживая человека въ четырехъ

стѣнахъ, когда Великій Магистръ предлагаетъ большія сокровища за его выкупъ, что говорили ему Рубену, въ то время, какъ онъ самъ былъ плѣнникомъ въ Мальтѣ.

Опманъ признался, что господинъ его былъ не слишкомъ благоразуменъ въ этомъ случаѣ. — „Еслибъ,“ говорилъ онъ смѣясь, „рыцарь Жюванни былъ порученъ моему смотрѣнiю, — и еслибъ кто нибудь сунулъ мнѣ въ руки мѣшокъ пистроновъ, то я право охотнобъ отворилъ ему дверь темницы!“

„И я съ радостію помогъ бы вамъ въ этомъ случаѣ“ отвѣчалъ хитрый Рубенъ, „лишь бы только раздѣлишь съ вами пополамъ награду! Такъ, любезный другъ, деньги лучшая вещь на свѣтѣ!“ Благоразумъ

ый Еврей увѣдомилъ Цезаря о своихъ благопріятныхъ признакахъ.

Проходя городомъ, онъ остановился, чтобъ поспѣшить отсылкою нѣкоторыхъ вещей, имъ заказанныхъ, для нагрузки на свое судно. Необходимость требовала, чтобъ все новое его имущество находилось на ономъ какъ можно скорѣе, чтобы въ случаѣ когда обстоятельства принудятъ его внезапно оставить Сент Моръ, уѣхать оттуда сколько возможно съ меньшею потерей. Пріѣхавши на судно Рубенъ нашелъ Цезаря въ восторгѣ радости, нѣжности и признательности. Николай только что пріѣхалъ, высадивши Тамаръ и дѣтей ея въ Маганези. Онъ привезъ письмо отъ Розуры, которую благополучно

доставилъ въ Мальту, и не сомнѣнные знаки щедрости Великаго Магистра. Ла Валеттѣ самъ писалъ къ Цезарю: что онъ помѣстилъ Розауру въ монастырь сестеръ госпитальнаго, гдѣ будучи любимъ ею и имѣя о ней попеченіе какъ о родной сестрѣ. Онъ поздравлялъ Адимарія съ счастливымъ предзнаменованіемъ для его предпріятія въ необыкновенномъ случаѣ, который помогъ ему встрѣтиться съ сестрою своего друга; извѣщая непрерывно свое услышать также и о побѣдѣ Жіованни. Согласно желанію Цезаря послано было нѣсколько судовъ съ повелѣніемъ крейсировать въ Архипелагѣ, какъ бы для перехватыванія купеческихъ Турецкихъ судовъ. Ла Валеттѣ давалъ ему опочивъ въ награду

Мал. Рыц. Ч. IV. Т 2.

данной имъ Николаю, и посылалъ наконецъ векселя на Триестъ, долженствовавшіе вознаградить того человека, который поможетъ ему освободить Жіованни.

При видѣ векселей ордена, глаза Рубена заблестали. „Не думаю, чтобъ онъ могъ противъ эшаго устоять,“ сказалъ онъ помышляя объ Отманѣ, и въ то же время извяснивъ Цезарю многія причины подававшія надежду на достиженіе цѣли. Цезарь слушалъ нѣсколько минутъ подробности рассказываемыя Рубеномъ; но не могъ однако же вытерпѣть, чтобъ не прочесть письма Розауры. Онъ распечаталъ его, съ восторгомъ прочелъ увѣренія ея въ любви, и пошомъ положивши его за пазуху, сталъ раз-

вуждаць о важномъ дѣлѣ занимаемъ его мысли.

Рѣшившись принять самыя скорѣйшія мѣры, онъ убѣдилъ своего товарища, что они ничего не выиграютъ медленностію, и отдавши ему векселя подписанныя ла Валеттомъ, просилъ его возвратиться въ Сераль сколько можно поспѣшнѣе. Рубенъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если пойдетъ увидѣться съ Отманомъ въ необыкновенный часъ, то можетъ подать нѣмъ подозрѣнія. Почему провелъ весь вечеръ съ шуриномъ своей дочери; когда же начало смеркаться и сей послѣдній уѣхалъ, тогда и онъ пошелъ въ городъ. На другой день Рубенъ приступилъ къ своему опасному дѣлу уступкою Отману за весьма дешевую цѣну штуки Генуэз-

скаго бархату, вытканнаго съ золопомъ, которую Татарины желалъ имѣть себѣ на кафтанѣ. Потомъ Рубенъ началъ говорить о путешествіяхъ Николая въ Сицилію и другія неприяпельскія страны, и видя что Отманъ не охуждалъ порту запрещенными товарами, онъ сказалъ ему, что товарищъ его недавно приспавалъ въ Мальтѣ, и что онъ слышалъ тамъ, будто бы орденъ святаго Іоанна всѣ средства хотѣлъ употребить къ освобожденію брата своего Жіованни Цигала. При этомъ случаѣ онъ опять извѣявилъ сожалѣніе, что не ему и не Отману порученъ былъ жребій Жіованни. Сдѣлавъ предположеніе будто бы сіе отъ нихъ зависѣло, онъ сталъ разщипывать по скольку бы досталось на долю каж-

даго за выкупъ рыцаря—и описалъ употребленіе какое оба они могли бы изъ того сдѣлать. Въ своихъ желаніяхъ онъ притворился чрезвычайно умѣреннымъ, но для Отмана не могъ найти ничего ни слишкомъ великолѣпнаго, ни слишкомъ драгоцѣннаго. Замѣтивши, что описаніе возбудило до высочайшей степени корыслолюбіе сего послѣдняго, онъ сначала вразумилъ его—а потомъ ясно сказалъ, что они власны были привести въ исполненіе мечтанія, которымъ сей часъ предавались.

Отманъ слушалъ рѣчи его съ безпокойствомъ, но не безъ удовольствія. Онъ задумался; не могши скрыть отъ себя, что предпріятіе совершенно было сопряжено съ большою опасностію, онъ не могъ такъ

же преодолѣть желанія своего обладать такою суммою денегъ. Сіе желаніе заставило его выдумывать различные планы для побѣга Жіованни, но ни одинъ изъ сихъ плановъ не былъ одобренъ Рубеномъ. Всѣ они требовали большой отважности, отъ всѣхъ которой нельзя было ожидать. Послѣ продолжительнаго разсужденія Опманъ предложилъ наконецъ слѣдующее :

Восточная сторона Серала обращена была къ морю, а башня, на вершинѣ которой Жіованни прогуливался по ночамъ, отдѣлялась отъ морскаго берега только уединеннымъ дворомъ, (о которомъ мы говорили) осеняемымъ кипарисами и огражденнымъ высокою стѣною. Еслибъ Жіованни могъ спуститься съ башни, и пере-

лесть черезъ стѣну, по
 шлюбка приняла бы его шамъ,
 или онъ могъ бы переплыть
 черезъ море до самой Акерна-
 лии. Ошманъ почиталъ возмо-
 жнымъ подкупить одного изъ
 спражей Христіанина Албан-
 ца, одреннаго чрезвычайно
 силою, которому по сей при-
 чинѣ и поручено было сопро-
 вождать Жіованни во время его
 прогуловъ, чтобы удерживать,
 если въ случаѣ опчаянія онъ
 вздумаетъ броситься съ высо-
 ты башни. Четверо солдатъ
 всегда стояли на часахъ на
 площадкѣ; но какъ они всякую
 ночь смѣнялись: по Ошманъ
 не находилъ другаго средства
 въ нихъ увѣриться, какъ на-
 мѣшавъ опиуму въ кофей ихъ
 и табакъ. — Сверхъ того на-
 добно было избрать самую
 темную ночь, чтобы никто не

могъ примѣтитъ того, что будетъ происходить. Между тѣмъ, какъ солдаты предались бы сну, Жіованни и Албанецъ сошли бы внизъ по веревочной лѣстницѣ, которой одинъ конецъ можнобъ привязать къ желѣзнымъ спицамъ, которыя находились на верьху башни, другой же конецъ самъ Отманъ спалъ бы придерживать на дюрѣ. Сія самая веревочная лѣстница послужила бы имъ и для того, чтобъ перелѣсть чрезъ стѣну, послѣ чего Рубенъ обязанъ былъ уже стараться спасти и рыцаря и Албанца.

Сіе предпріятіе сопряжено было съ такими опасностями, что еще не приводя онаго въ исполненіе Отманъ потребовалъ золота. Рубенъ отвѣчалъ, что онъ можетъ ему дать

только векселя Великаго Магистра, которые по его мнѣнію были все равно, что наличныя деньги. Опманъ возражалъ, что онъ не столько легковѣренъ, особенно когда хочетъ опважить жизнь свою. Онъ разсмотрѣлъ векселя, замѣтилъ, что подпись Великаго Магистра могла быть поддѣлана; что можетъ быть Николай былъ обманутъ, и что очень могло статься, что Триестъ откажется платить по нимъ векселямъ; — потому, что они не имѣютъ никакого достоинства. Однимъ словомъ замѣтно было, что Опманъ не хотѣлъ ни на что пускаться безъ хорошаго задатку, имѣя припомъ вѣрный залогъ, чтобъ и послѣ получить значную сумму. Однако же, будучи увѣренъ, что онъ не потребуе

болѣе обѣщанной награды, Рубенъ пошелъ къ Цезарю, сказавъ ему о семъ новомъ препятствіи и просилъ его совѣтовъ. Въ неперпѣніи своемъ Цезарь хотѣлъ, чтобъ онъ предложилъ свидѣтельство Николая, который могъ увѣришь, что самъ видѣлъ какъ ла Валеттѣ подписывалъ векселя.

„Дураки всегда упрямы,“ подхватилъ Рубенъ, „я уже сдѣлалъ то, что вы сей часъ говорили; но онъ отвѣчалъ, что Николай самъ могъ быть обманутъ какимънибудь человѣкомъ, сыгравшимъ ролю Великаго Магистра, потому что, говоритъ онъ: особы столь высокаго достоинства не привыкли допускать къ себѣ продавцевъ запрещенныхъ товаровъ. И такъ онъ просилъ какого нибудь ошущительнаго знака: — хоро-

шая сума пiастровъ, безъ сомнiнiя . . . . “

„Перстень мой ! перстень ! вскричалъ Цезарь вынимая изъ запазухи , гдѣ онъ былъ спрятанъ, сей перстень дважды заслуженный , который онъ хотѣлъ въ третiй разъ отважить для благороднѣйшей причины. “ Покажи ему этотъ брилiантъ, Рубенъ ; но не выпускай его изъ рукъ, потому, что онъ дороже для меня жизни. Ты можешь ему сказать, что Великiй Магистръ ввѣрилъ оный Николаю въ доказательство его честности. Оппманъ безъ сомнiнiя повѣритъ видя такой залогъ. “

Рубенъ, не видавшiй еще сей драгоценности. разсматривалъ его съ удивленiемъ; тщательно завернувъ его въ свой платокъ, положилъ за пазуху, и расста-

ваясь съ Цезаремъ поклонился ему ниже обыкновеннаго. Онъ вторично возвратился не получа успѣха. Видѣ драгоцѣннаго камня воспламенилъ жадность Отмана, и вмѣстѣ того, чтобы произвести то дѣйствіе, какого ожидалъ Цезарь, Татаринъ совершенно отказался отъ взятія награды векселями, говоря, что одни уже старанія его къ полученію денегъ, приведутъ его въ подозрѣніе у господина. — При семъ извѣстіи Цезарь не могъ болѣе воздержать себя.

„Да чегожъ ему хочется?“ вскричалъ онъ съ гнѣвомъ. „Можетъ ли онъ увѣрить меня въ свободу Жіованни? Если можетъ, то пусть возметъ эту драгоцѣнную вещь!“

„Въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнную! сказалъ Рубенъ думая только о настоящей цѣнѣ пер-

стня, я не опдалъ бы охотно такой прекрасной камень.“

„Чтожъ до меня касается, Рубенъ; то для спасенія собственной жизни я не опдалъ бы его, потому, что сей перстень принадлежалъ моему родителю; но для друга своего не только перстнемъ, но и жизнью пожертвую.“

Тогда Цезарь далъ понять Рубену, что онъ согласится уступить сей перстень Таттарину, если тотъ обяжется за сію цѣну освободить Жюванни. Рубенъ не охотно принялъ на себя это новое сношеніе, потому что начиналъ думать, что Опманъ гораздо болѣе его выигрываетъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ пошелъ въ Сераль; но пришелъ туда въ самую неблагоприятную минуту. Все было тамъ въ смятеніе по слу-

Мал. Рыц. Ч. IV. У 2.

чаю полученнаго извѣстія: что большой арсеналъ въ Константинополѣ взорванъ на воздухъ. Сей ненавистный поступокъ, сдѣланный неизвѣстными зажигателями, приписанъ былъ публичнымъ слухамъ Великому Магистру Мальпійскаго Ордена, которой хотѣлъ отмстить, говорили они, за осаду претерпѣнную его островами. Паша, которому Султанъ дѣлалъ по сему случаю новыя укоризны, дышалъ лютою яростію противъ всѣхъ Христіанскихъ рыцарей. Приказавши привести передъ себя Жіованни Цигалу, и изливши противъ него ругательства, которыя робкіе тираны всегда изрыгаютъ противъ храбрыхъ воиновъ спраждающихъ у нихъ въ оковахъ, онъ сказалъ ему, что послѣ поступка Великаго Маги-

стра, почиталъ себя разрѣ-
шеннымъ отъ клятвы, какую
далъ своему племяннику — и
что по сему случаю намѣренъ
былъ послѣ завтра насладит-
ся зрѣлищемъ его смерти.

„Праведное небо! вскричалъ
Рубенъ, что же отвѣчалъ плѣн-
никъ?“

„Ничего, подхватилъ Оп-
манъ съ глупымъ смѣхомъ; съ
спокойнымъ лицомъ онъ слу-
шалъ всѣ клятвы Великаго Му-
стафы и не произносилъ ни
слова, за что сей послѣдній и
приказалъ отвести его въ тем-
ницу какъ собаку — и завтра
въ полдень его будутъ казнить
въ присутствіи всѣхъ право-
вѣрныхъ Музульманъ.“

При этомъ роковомъ извѣ-
стіи Рубенъ поблѣднѣлъ, и рѣ-
шившись не беречь перстень
Цезаря, онъ употребилъ все

свое краснорѣчіе, чтобъ убѣ-
дить Опмана дѣйствовать.

Въ первой разѣ въ жизни
Рубенъ нашелъ трудность
скрыть истинныя свои причи-
ны подъ личиною корысти, од-
нако же попробовалъ, и Оп-
манъ, потому ли, что онъ лег-
ко далъ ослѣпить себя, или
потому, что не хотѣлъ раз-
мыслить основательно о дѣлѣ
долженствовавшемъ принести
ему столь большія выгоды,
позволилъ убѣдить себя. Ру-
бенъ признался, что драгоцен-
ная вещь, которую онъ ему по-
казывалъ, принадлежала Аген-
ту Великаго Магистра, нахо-
дившемуся теперь на остро-
вѣ, который готовъ былъ от-
важиться на всѣ опасности,
лишь бы подали ему средства
освободить рыцаря, и что ме-
жду тѣмъ, если онъ Опманъ

могъ нѣсколько замедлить ка-
зню Жіованни: то перстень
попчасъ будетъ ему принад-
лежать. Глаза Отмана забли-
стали отъ сихъ словъ.

„Ступайте теперь, сказалъ
онъ, и будьте въ полночь подъ
старою пальмою, подлѣ разва-
линъ; сего дни вечеромъ, передъ
восхожденіемъ луны, я увѣдом-
лю васъ о томъ, что сдѣлаю.
Я постараюсь заслужить пер-
стень, но за то голова моя и
горло должны довольно потру-
диться.

„О блаженный Авраамъ! ска-
залъ самъ себѣ Рубенъ выходя
изъ Серая, возможно ли, чтобъ
жизнь честнаго человѣка зави-
сѣла отъ пустой сказки или
отъ веселой пѣсни?“ и потомъ
пошелъ къ Цезарю прося Бога,
чтобъ Отману удалось въ

ототѣ день превзойти самаго се ѣя.

Мы тщетно станемъ описывать опчаяніе Цезаря, когда онѣ узналъ обѣ неизбѣжной опасности своего друга. Рубенѣ съ трудомъ могъ уговорить его, чтобѣ онѣ не кричалъ; потому, что матрозы могли слышать. Злополучной молодой человекѣ то обвинялъ Рубена, что онѣ излишнею своею осторожностію заспавляетъ Жіованни умереть; мину же спустя просилъ у него прощенія въ своей неблагодарности и несправедливыхъ укоризнахъ; уже силы его почти всѣ истощились, — какъ вдругъ онѣ вскричалъ твердымъ голосомъ:

„Я хочу сею же ночью видѣться съ Опманомъ, Рубенѣ! отъ того зависитъ жизнь мо-

его друга; я пойду вмѣстѣ съ тобою на свиданіе, которое онъ назначилъ тебѣ въ развалинахъ.“

„Подумайте о нашей тайнѣ, возразилъ Рубенъ; до сего времени васъ почитали за Еврея, которому нѣтъ никакой нужды! . . .“

— „Все равно, я все беру на себя; объявлю себя другомъ Жіованни. Опманъ получилъ перстень, и еслибъ у меня ихъ было двадцать: то и тогда всѣ бы ихъ ему отдалъ, лишь бы только онъ спасъ моего друга.“

Пылкость Цезаря столь была велика, что Рубенъ не смѣлъ ему противорѣчить, почему согласясь на его требованіе, онъ рѣшился все приготовить къ посѣщенію бѣгству обѣщаясь приготовить Опмана

нѣ приеутствію третьяго во
 время опаснаго ихъ свиданія, и
 потомъ познакомить Цезаря
 съ симъ Татаринѣмъ.

Г Л А В А IX.

Луна еще не взошла когда
 Цезарь и Рубенъ сѣли одни на
 маленькую шлюбку, ни одна
 звѣзда не блистала на сводѣ
 небесномъ и не освѣщала пу-
 ти ихъ: ночь была мрачная и
 ненастная, но въ этомъ слу-
 чаѣ Цезарь забылъ объ опа-
 сности, какой подвергался Ру-
 бенъ, о себѣ же самомъ онъ
 никогда не думалъ. Рубенъ не
 сколько былъ смѣлъ, однако
 же не смѣлъ жаловаться, — и
 взглядывалъ только отъ вре-
 мени до времени на цѣпь ост-

рыхъ екалъ, къ которымъ они приближались, и которыя при слабомъ свѣтѣ фонаря, взятаго ими съ собою, казались черными. Между тѣмъ Цезарь державши руль, въ то время какъ Рубенъ гребъ веслами, удачно направилъ шлюбку въ маленькой промежутокъ между утесами, гдѣ старикъ вышедши на берегъ схватилъ фонарь и поспѣшилъ къ мѣсту назначеннаго свиданія. Цезарь, оставшійся въ шлюбкѣ, примѣтилъ сквозь вѣтки Плюща покрывавшаго развалины, фигуру человека, идущаго въ мракъ. Рубенъ скоро до него достигъ. Жесты незнакомца показывали, что онъ говорилъ съ жаромъ; Рубенъ же напротивъ того оставался неподвиженъ, и Цезарь, старавшійся догадаться о томъ, что они говорили не

Мал. Рыц. Ч. IV. Ф

слыша ихъ, вообразилъ, друга
его нѣмѣ болѣе на свѣтѣ, и
что поварищъ его въ безмолв-
номъ ужасѣ внималъ сей спраш-
ной вѣсти. Не могли долѣе
переносить своего безпокойст-
ва, онѣ хотѣли уже бѣжать
къ нимъ, какъ вдругъ Рубенъ
подалъ условленный знакъ под-
нявъ фонарь надъ своею голо-
вою, тогда Цезарь спѣшилъ
привязать шлюпку: подбѣгаетъ
къ нимъ, хочетъ спросить о
Жіованни, но не имѣетъ къ
тому силы, и только съ судо-
рожнымъ движеніемъ схватыва-
етъ руку Тапарина.

„Рыцарь живъ. . . . . Отманъ
обѣщаетъ. . . “ Рубенъ не могъ
ничего болѣе сказать; потому,
что Цезарь то краснѣлъ, то
блѣднѣлъ и наконецъ пошат-
нулся; старикъ подбѣжалъ къ
нему; но Адимарій прижимая

одну руку къ груди своей, далъ ему другою знакъ не подходящъ, а самъ сѣлъ на отломкѣ колонны внутри развалинъ. Рубенъ, остановивъ на минуточку Отмана, подошелъ потомъ къ Цезарю, сидѣвшему на томъ же мѣстѣ, испощенному симъ внезапныхъ переходомъ отъ отчаянія къ радости: когда онъ нѣсколько успокоился, то сказалъ Отману:

„И такъ вы клянетесь мнѣ, что онъ живъ еще? Общаетесь всѣми возможными средствами споспѣшествовать нашему побѣгу?“ При сихъ словахъ онъ показалъ ему свой блестящій перстень.

„Клянусь въ томъ Аллою!“ отвѣчалъ Отманъ подошедши къ нему.

Рубенъ изъяснилъ тогда со всевозможною поспѣшностію и

обыкновеннымъ своимъ благо-
 разуміемъ, какимъ образомъ
 Опманъ поступилъ, чтобы за-
 ставитъ опложитъ смерть
 Жіованни. Не много спустя
 послѣ уходу Рубена, позвалъ
 его къ господину, котораго онъ
 долженъ былъ забавлять по
 обыкновенію своими шутками
 и пѣніемъ. Паша говорилъ ему
 о безчеловѣчномъ удовольствіи,
 которымъ завтра надѣялся на-
 сладитъ, и Опманъ воспользо-
 вался симъ случаемъ, чтобъ
 сдѣлать замѣчаніе, что смерть
 не была трудна для Хриспі-
 анъ, и что жаднокровіе, съ
 какимъ рыцарь выслушалъ свой
 приговоръ, довольно показыва-
 ло, что онъ не спрашился
 оной. Почему и осмѣлился
 просить господина своего, со
 всевозможнымъ униженіемъ, не
 лучше ли будетъ сначала осу-

дипть плѣнника на самыя низкія работы. а потомъ уже предать его публичной и поносной казни. Паша съ радостію принялъ это предложеніе и приказалъ отвести Жіованни на галеру приковать его къ скамьѣ вмѣстѣ съ прочими гребцами.

Послѣ этого надлежало совсѣмъ перемѣнить планъ побѣга Жіованни, и Опманъ охотно представилъ Цезарю выдумать другой. Подумавъ нѣсколько времени, Адимарій предложилъ одинъ, который казался ему удобенъ къ исполненію. Опманъ долженъ былъ доставить ему мѣсто на той самой галерѣ, на которой находился Жіованни, и потомъ извѣстить его самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ о днѣ, въ которой она пустится въ морѣ, а также

Мал. Рыц. Ч. IV.   Ф 2.

и о мѣстѣ, куда оная отпра-
вится. Посредствомъ топора,
которой могъ спрятать подъ
своимъ платьемъ, Цезарь надѣ-
ялся перерубить веревку, при-
вязывавшую правую руку греб-
цовъ къ веслу и къ ихъ ска-
мьѣ; потомъ въ темнотѣ бро-
сившись въ морѣ съ Жіован-
ніемъ они переплыли бы каналъ,
или доспигли бы шлюбки Ни-
колая, которой на сей случай
былъ бы въ готовности. Це-
зарь надѣялся также на Маль-
тійскіе галеры; но не почелъ
нужнымъ говорить о семъ От-
ману.

Отманъ одобрилъ этотъ
планъ; потому, что участіе,
какое могъ принять въ ономъ,
не подвергало его почти ника-
кой опасности. Онъ можетъ
быть въ тайнѣ надѣялся, что
Цезарь и Жіованни оба умерщ-

влены будутъ въ тужь мину-
ту, какъ захотятъ бѣжать,
солдатами галеры; но это до
него не касалось. Онъ обѣщалъ
не щадить ничего для успѣха
дѣла; но просилъ Цезаря от-
дать ему перстень прежде из-
бавленія Жіованни. Поэтому,
говорилъ онъ, что я не имѣю
никакого желанія броситься за
нимъ въ море. Цезарь не оп-
вѣчая ни слова вынулъ пер-
стень, съ почтеніемъ поцѣло-
вавъ оный и отдалъ ему. Съ
большимъ сожалѣніемъ распа-
вался онъ съ нимъ; но мысль:
что искупилъ тѣмъ свободу
Жіованни, не испративши де-
негъ ордена святаго Іоанна,
причиняла ему великое удоволь-
ствіе.

На другой день на разсвѣтѣ,
Цезарь отправился въ Магане-
зи, гдѣ нашедши жилище Н.

колая, онъ вызвалъ его для тайнаго переговору. Послупокъ сего молодого человѣка въ разсужденіи Розауры, внушилъ Цезарю къ нему довѣренность; онъ безъ всякаго предувѣдомленія сообщилъ ему о великомъ своемъ предпріятіи. Николай сказалъ, что онъ готовъ къ его услугамъ, обѣщаясь быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ Цезарь будетъ имѣть въ немъ нужду. Онъ присовокупилъ, что на берегу находилось множество пещеръ, гдѣ оба друа могли спрятаться до того времени, пока не пройдетъ опасность. Цезарь просилъ его тотчасъ итти въ море и стараться найти Мальтійскихъ Крейсеровъ, вручивъ ему письмо, которое онъ могъ отдать первому изъ нихъ имъ встрѣченному. Сдѣлавши нужныя на-

спавленія Николаю, Цезарь поговорилъ нѣсколько времени съ Тамарью, которая сообщила ему подробности пріема полученнаго Розаурою въ Мальтѣ; она съ тонкостію присовокупила, что Розаура не переставала помышлять о своемъ отсутствующемъ любовникѣ, и Цезарь покинулъ Маганези будучи исполненъ радости и надежды. —

Опманъ скоро сдержалъ свое обѣщаніе. Черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ за Рубеномъ и увѣдомилъ его, что Паша получилъ извѣстіе, будто бы два Мальтійскіе фрегата показались въ Архипелагѣ, и сдѣлали тамъ уже нѣкоторыя призы, почему онъ увѣрилъ Его Превосходительство, что должно было послать къ нимъ на

встрѣчу одну изъ лучшихъ галерѣ, и что та, на которой находился Жіованни, назначена была къ сей Экспедиціи. Когда Цезарь узналъ объ этой новости, то просилъ Рубена думать о собственной безопасности уѣхавъ скорѣе и оставивъ его на островѣ подъ предлогомъ будто бы недоволенъ былъ его услугами; что подало бы ему въ то же время причину вступить въ должность на Турецкой галерѣ, подъ видомъ будто бы не могъ найти другаго мѣста. Рубенъ съ трудомъ могъ согласиться разстаться съ Цезаремъ; но сей послѣдній споль настоятельно требовалъ, что онъ не сталъ болѣе дѣлать затрудненій. Они пролили нѣсколько слезъ при разлукѣ, и Рубенъ уѣхалъ въ Мальту, давши полу-обѣщаніе

оставишь Турцію и торговать въ Италіи.

Оставшиъ одинъ, Цезарь затрепешалъ помышляя о наступившей рѣшительной минутѣ. Жизнь его и драгоценная жизнь Жіованни зависѣли отъ честности продавца запрещенныхъ товаровъ, и отъ подлаго невольника. Сии подпоры были весьма слабы для его поддержанія; но онъ былъ увѣренъ, что если Богъ удостоитъ ему покровительство: то и соломенка достаточна для его спасенія.

Въ самый день отбѣзда Рубена, Ошманъ доставилъ Цезарю случай быть вмѣстѣ съ Мензуломъ, первымъ корабельнымъ мастеромъ Паши, копорый услыша отъ Отмана, что Цезарь имѣетъ способно-

сти, ни мало не колеблясь принялъ его въ службу на галеру.

„Я перешелъ Рубинонъ! вскричалъ Адимарій.“ Теперь уже не могу возвратиться назадъ; но чтобы ни случилось — я буду раздѣлять жребій моего друга, — а Розаура теперь въ безопасности. Онъ вздохнулъ помышляя, что должна претерпѣть сія нѣжная любовница, если судьбы опредѣлили никогда имъ болѣе не видаться.

Прибывши на галеру, Цезарь нашелъ ее, такъ какъ Отманъ его увѣдомилъ, почти готовою къ отплытію. Онъ съ усердіемъ занялся низкою своею обязанностію, и столько работалъ, что мастеръ подумалъ, что обладаетъ въ немъ сокровищемъ. На четвертой день къ разсвѣту все было на

галерѣ кончено, и невольники, долженствовавшіе составлять экипажъ оной, были приведены и разсажены по скамьямъ. Такъ какъ галера находилась на обыкновенномъ якорномъ мѣстѣ, которое отстояло довольно далеко отъ города, то невольники привезены были на шлюбкахъ. Въ то время, какъ они подбѣзжали, Цезарь смотрѣлъ на нихъ съ палубы. Они обнажены были до пояса и имѣли открытыя головы; многіе изъ нихъ были Турецкіе и Греческіе преступники, остальные же плѣнные, которые столь давно находились въ цѣпяхъ, что ихъ почти невозможно было различить съ Магомешанами. Между сими блѣдными и похудѣвшими твореніями, прекрасный Жіованни уподоблялся мраморной статуѣ Аполлона,

Мал. Рыц. Ч. IV. X

посреди Египетскихъ Идоловъ. Цезарь съ удивленіемъ смѣшаннымъ съ горестію узналъ своего друга; и когда шлюбки подбѣхали ближе, то онъ увидѣлъ эту благородную грудь покрытую рубцами, и тысяча горестнѣйшихъ мыслей обвѣяли его душу. Онъ устремилъ взоры свои орошенные слезами на сіи безсмертныя раны, — простеръ руки, и сердце его казалось летѣло на встрѣчу къ другу своему. Онъ произнесъ нѣсколько прерывающихся словъ и чувствуя, что готовъ былъ потерять присутствіе духа, ушелъ съ палубы, и возвратился только тогда уже, когда весь экипажъ находился на галерѣ.

Невозможно описать, что происходило въ сіи минуты въ душѣ Цезаря. — Онъ слышавъ

надъ собою шопотъ невольниковъ, звукъ цѣпей ихъ обременявшихъ, хлопанье бичей жестокихъ надзираателей, вздохи и заглушаемая сіпенанія несчастныхъ.

„Ахъ! не о тебѣ одномъ сожалѣю я теперь, мой Жіованни,“ вскричалъ онъ закрывая лицо руками, чтобъ не слышать воплей поражавшихъ служъ его. Онъ надѣялся, что когда нибудь освободитъ и сихъ злополучныхъ; думая, что невольники заняли уже мѣста свои, Цезарь вошелъ на палубу. Взоры его пробѣжали мрачные ряды невольниковъ и устремились на драгоценныя черты друга, освященные тысячею прогательными и порожественными воспоминанія. Онъ ожидалъ найти въ нихъ перемену; — но они были все тѣ

же. Кроткая душа, спокойная совѣсть, добродѣтель и Христіанская преданность блистали въ сей благородной фізіономіи, и сохраняли въ ней молодость, чистоту и ясность. Никакое облако, казалось, не покрывало взоровъ Жіованни. Съ того времени, какъ Цезарь видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ въ церкви святаго Іоанна; но когда взоры сіи оставивъ небесный сводъ, на которой доселѣ устремлены были, чтобъ взглянуть на злополучныя существа, находившіяся на галерѣ, то Цезарь увидѣлъ, что они мало по малу наполнялись слезами. Будучи самъ готовъ предаться восторгу своей чувствительности и горести, онъ горѣлъ желаніемъ броситься въ объятія своего друга; но, въпорочно одержавъ побѣду надъ

самимъ собою, отвернулся, чпобъ заняться великимъ своимъ предпріятіемъ. Можетъ быть замѣтили бы его смущеніе, еслибъ прибытіе Паши и его свиты не сдѣлало на галерѣ безпорядка, воспрепятствовавшіаго обратити на него вниманіе. Это было сигналомъ къ отплытію; выстрѣлъ изъ пушки съ крѣпости Сентъ-Мора отвѣчалъ на Салютацію галеры; послѣ чего паруса были распущены, веслы стали разсѣкать волны, и корабль отправился. Паша намѣренъ былъ проводить галеру только до конца острова и потомъ выйти на берегъ, но вѣтеръ не повиновался его волѣ. — Онъ поднялся съ такою силою, сопровождаемый дождемъ и градомъ, что не возможно было доставить Мустафу въ Сентъ-

Морь. Цезарь, не зная радоваться ли ему или огорчаться сею бурю, не переставалъ смотрѣть на маленькое судно Николая, непрестанно за ними слѣдовавшее, которое будучи построено на Турецкой манеръ не возбуждало никакого подозрѣнія.

Капитанъ галеры употреблялъ всѣ усилія, чтобы посредствомъ гребли подойти къ берегу, и чтобы достигнуть сего, не щадилъ ни ругательствъ, ни ударовъ. Всѣмъ, которымъ отчаяніе или слабость препятствовала дѣйствовать веслами, были подвержены жестокимъ побоямъ. Одинъ изъ невольниковъ безъ чувствъ упалъ подъ ударами бича. Въ сію минуту Цезарь трепеща отъ гнѣва и ужаса подошелъ и вызвался занять его мѣсто. До

сего времени онъ держался въ отдаленіи отъ Жіованни, который не узналъ бы однакоже переодѣшаго друга своего, даже когда бы и примѣтилъ его. Готовясь ему открыться, Цезарь воззрѣвъ на небо съ усердною молитвою, чптобы мракъ, ихъ покрывавшій, сдѣлалъ удобнѣйшимъ освобожденіе его друга.

Онъ сѣлъ на скамью препенца, возлѣ человека, занимавшаго всѣ его помышленія. Жіованни въ сію минушу всячески старался придать ходу галерѣ, надѣясь тѣмъ избавить злополучныхъ своихъ товарищей отъ побою, которые они претерпѣвали. — Причина дѣлала благороднымъ весь его поступокъ: онъ не замѣтилъ того человека, который сѣлъ близь него; потому, что слѣ-

довалъ глазами за несчастнымъ,
 котораго относили прочь. Всѣ
 жилки Цезаря задрепешали,
 когда онъ взялся за весло; по-
 никшее лицо его было закры-
 то волосами. Вдругъ яроста-
 ный порывъ въпра заставилъ
 всѣхъ взглянуть на удалявшій-
 ся берегъ; въ сію минуту Це-
 зарь слегка тронулъ рукою
 Жіованни, и тряхнувъ голо-
 вою, приспально взглянулъ на
 него. Взоры Жіованни встрѣ-
 тились съ его взорами. Онъ
 покраснѣлъ, приподнялся, —
 вскрикнулъ — и трепещущіе
 члены его показали, что онъ
 узналъ его; вторичной взоръ
 изъяснилъ взаимныя чувства
 душъ ихъ. Новый свѣтъ от-
 крылся глазамъ Жіованни, и
 Цезарь, волнуемый боязнію, на-
 деждою, и нѣжными воспоми-
 наніями, щипалъ минувшій, бу-

лучи увѣренъ, что менѣе нежели черезъ часъ жребій Жіованни, его и Розауры рѣшился! Буря утихла, но сильный вѣтръ отъ берегу не переставалъ дуть; маленькое судно Николая, котораго единственный парусъ разорванъ былъ на тысячу частей, болѣе не показывалось, только одинъ корабль, шедшій на всѣхъ парусахъ, видѣнъ былъ на пространствѣ моря между Корфу и Сент-Моромъ. Когда онъ подошелъ ближе: то сердце Цезаря забилося сильнѣе, потому, что онъ думалъ различить особеннаго рода конструкцію Мальтійскихъ кораблей; — онъ не ошибался; Фрегатъ, распусшивши флагъ свой, на которомъ изображался широкій крестъ Мальтійскаго ордена, — приготовился къ сраженію.

Черные глаза Цезаря взглянули на Жіованни, взоръ его не требовалъ исполкованія. Жіованни отивѣчалъ подобнымъ же взоромъ; и усиливъ греблю они казалось споспѣшествовали желанію Паши, который хопѣлъ достигнуть маленькаго острова Таксы; оставшагося единственнымъ убѣжищемъ для устрашенныхъ Музульманъ.

Паша не желавшій подвергать себя опасности въ сраженіи съ Мальтійскою галерою, объявилъ, что обязанности мѣста, имъ занимаемаго, не дозволяли ему преслѣдовать непріятеля. — Почему и далъ повелѣніе высадить себя въ Таксъ, обѣщаясь дать имъ потомъ позволеніе сражаться съ Христіанами. Но всѣ усилія Турокъ избѣгнуть опъ Мальтійцовъ остались безплодны:

Когда Мустафа надѣялся
 еще спастись, то не дѣлая ви-
 ду, будто убѣгаетъ сраженія,
 онъ продолжалъ направлять
 путь свой къ острову Таксъ;
 но когда примѣтилъ, что не
 можетъ достигнуть сего не
 посрамивши своего флага, то
 уступивши необходимости —
 отдалъ приказъ дождаться не-
 пріятеля. При семъ повелѣніи
 душа Цезаря блеснула въ его
 в з о р а х ъ, приподнявшись со
 скамьи, онъ нагнулся впередъ —
 чтобы замѣчать движеніе Хри-
 стіанъ. Въ это время Жіован-
 ни сохранялъ величественное
 спокойствіе во взорѣ и поступ-
 кахъ, совершенно различно отъ
 друга своего, который нахо-
 дился въ волненіи духа. Кораб-
 ли скоро сблизились и начали
 сраженіе. Турки и Христіане
 одушевляемые взаимною нена-

вистію сь яростію вступили вь битву; но ни что не могло спротивляться жаркому нападенію Мальтійцовь, возбуждаемыхъ двойною причиною: — Освобожденіемъ двоихъ друзей, коихъ присудствіе на галерѣ было имъ извѣстно, и надеждою снова воспоржествовать надъ непримиримымъ врагомъ своимъ Мустафою, они стремились сь страшнымъ Лозунгомъ: „Мщеніе!“

Въ ту минуту какъ Христіане толпою выходили на непріятельскій корабль, и Турки упорно имъ спротивлялись; посреди безпорядку и воплей, треску и дыму, Цезарь схвативъ попорѣ, спрятанный имъ подъ своимъ плащемъ, и однимъ ударомъ разторгши цѣпь, удерживавшую Жіованни, бросился сь нимъ вь ряды друзей сво-

ихъ, какъ львица освободившая дѣтей своихъ.

Имяна *Цигалы* и *Адимарія*; воинскіе крики: *Вольность и Святый Іоаннъ* раздавались со всѣхъ сторонъ; знакомый голосъ отвѣчалъ на сіи крики: Это былъ голосъ Родольфа. Жіованни увидѣлъ его и узналъ, но нельзя было перятъ времени въ пустыхъ словахъ. Крово-пролитіе и сѣча всюду царствовали; Цезарь и Жіованни вмѣшавшись въ толпу сражавшихся старались увѣришься въ свободѣ столь дорого ими купленной.

„Измѣна! измѣна! восклицали Паша и офицеры отспущая въ безпорядкѣ отъ яростнаго нападенія Хриспіанъ. Цезарь съ ужаснымъ попоромъ своимъ, а Жіованни съ саблею, вырванною имъ у одного изъ
Мал. Рыц. Ч. IV. Ц

непріятелей, разпространяли
 вокругъ себя смерть и разру-
 шеніе. Первый успремился на
 жестокаго Мустафу, чтобъ
 предать его смерти, которой
 онъ былъ достоинъ; но судьба
 опредѣлила, чтобъ другой от-
 платилъ за его друга: пуля,
 вылетѣвшая изъ мушкетона
 простаго солдата, поразила
 Пашу въ високъ — и онъ упалъ.

Лишь только Капитанъ
 Мальтійской галеры примѣтилъ
 паденіе Мустафы, какъ и за-
 кричалъ Экипажу, чтобъ сдал-
 ся, предлагая оному жизнь и
 свободу. Невѣрные нѣсколько
 промедлили; но минутой спу-
 стя привезли флагъ свой. Це-
 зарь и Жіованни перешли на
 палубу Мальтійскаго корабля,
 на скоро поздоровались съ сво-
 ими товарищами, прижали къ
 груди своей вѣрнаго Родольфа,

который плача от радости бросился къ ногамъ ихъ; потомъ сошедши въ каюту, тамъ, въ продолжительномъ священномъ обрядѣ, излили сердца свои, и выразили всю великость своего благополучія.

„Мой Жіованни!“ — „Любезнѣйшій братъ!“ были первыя слова ими произнесенныя; потомъ пробывъ долгое время въ безмолвной радости, Цезарь повторилъ устремивъ на него выразительный взоръ: „Мой братъ — Жіованни!“ Онъ не могъ болѣе удерживаться, чтобъ не открылъ ему своей щастливой тайны. — Сія тайна вылетѣла изъ устъ его въ прерывающихся словахъ, которыя Жіованни съ трудомъ могъ понимать. Но наконецъ когда онъ не могъ уже сомнѣваться въ томъ, что слышалъ: то за-

крывъ лице свое, въ радостномъ воспоргѣ вышелъ изъ каюты говоря: „Довольно! довольно, Цезарь, я ничего болѣе не могу теперь слушать!“

Вышедши оттуда онъ пошелъ въ самое уединенное мѣсто, гдѣ запершись повергся предъ Всемогущимъ, Коего десница излила на него вдругъ столько милостей. Въ сіе время признательная душа Цезаря также не осталась безмолвною; и когда друзья опять увидѣлись: то не имѣли нужды извѣснять причины для чего разставались.

Согласно съ капитуляціею Турецкіе плѣнники всѣ высажены были въ Корфу; послѣ чего Мальтійская галера съ пріобрѣтенною добычею и освобожденными Хриспіанами на-

правила   п у ш ь   к в   острову
Мальтѣ.

Рассказывая другъ другу о своихъ спраданіяхъ, о взаимныхъ ощущеніяхъ, Цезарь и Жіованни забывали о времени, которое проводили на морѣ. Послѣдній хотѣлъ знать малѣйшія подробности о характерѣ и фигурѣ сестры своей, и Цезарь не чувствовалъ скуки повторяя ему непрестанно — описаніе о ней. Когда они говорили объ осадѣ Мальты, столько обезображенной разсказами Турокъ: то и Родольфъ вмѣшивался въ разговоръ. Учасіе, какое онъ принималъ въ семъ достопамятномъ событіи, сдѣлало его благороднымъ и драгоцѣннымъ для друзей нашихъ многочисленными доказательствами преданности къ нимъ, которыя онъ показывалъ.

Мал. Рыц. Ч. IV. Ц 2.

Жіованни почти нічого было розказувати; плібнічесіво его началось горестію и уединеніемъ, а окончилось унизительными оскорбленіями.

Чистый воздухъ, согрѣваемый Февральскимъ солнцемъ, придавалъ веселый видъ всѣмъ предметамъ, когда корабль, на коемъ были друзья наши, вошелъ въ большую гавань острова Мальты. Рыцарь, командовавшій кораблемъ, еще при отбѣздѣ своемъ получилъ отъ Великаго Магистра приказаніе въ случаѣ успѣха сдѣлать положенное число выстрѣловъ. Лишь только они раздались, какъ бапарей святого Ангела загремели въ отвѣтъ на щастливый сигналъ, и дали знать всему острову о сей великой новости. — Когда храбрѣйшій изъ рыцарей сошелъ на берегъ,

то посредѣ многочисленной толпы народа нашелъ своихъ собратій, оставшихся живыми послѣ осады.

При видѣ ихъ душа его исполнилась горестію; тѣни героевъ казались возставшими предъ его взорами и взорами Цезаря; но не желая возмущать пріятности сей священной минуты, они прогнали печаль свою и пошли въ городъ сопровождаемые множествомъ зрѣтелей.

Когда Жіованни бросился къ ногамъ Великаго Магистра: то сей прижалъ его къ груди своей, и пребывши нѣсколько времени въ этомъ положеніи провозгласилъ громкимъ голосомъ, что давалъ ему одно упразднившееся въ Италіи Командорство; потомъ обратился къ Цезарю; который поцѣловалъ у

него руку, сказалъ ему: „Богъ соединилъ сердца ваши — и я не хочу разлучать вашей участи.“

Радостный крикъ раздавался со всѣхъ сторонъ; онъ повпюрился, когда Жіованни испросилъ для Родольфа почестъ, которую почтенный Дюгеррасъ обѣщалъ нѣкогда сему вѣрному служителю, получилъ для него позволеніе носить платье служащей братьи ордена — и взявъ его съ собою въ Италію.

„Простите меня, если я освѣдомлюсь объ одной особѣ, которая драгоцѣнна для моего сердца, „сказалъ Жіованни, прочитавши то же самое въ нетерпѣливыхъ взорахъ Цезаря: „Сестра моя . . . .?“

„Ты найдешь ее въ монастырѣ сестръ милосердія;“ отвѣ-

чалъ ла Валеттѣ, и опустивши руки обѣихъ друзей, которые до сего времени съ нѣжностію держалъ въ своихъ рукахъ, онъ далъ имъ знакъ итти туда, куда ихъ сердца призывали. Получивъ сіе позволеніе они побѣжали въ монастырь. Сказавъ свое имя, они допущены были въ Парлуаръ и узнали, что Розаура увѣдомленная о прибытіи ихъ пушечными выстрѣлами, едва могла притти въ себя отъ восторга, произведеннаго радостію и признапельностію. Сердца любовника и брата препетали отъ малѣйшаго шуму походки. “Вотъ она!” вскричалъ наконецъ Цезарь подходя къ двери. Розаура вошла блистая красотою, одушевляемая благополучіемъ и любовію и отступила назадъ видя перемѣну его одежды; но

встрѣпивъ его взоры, она его узнала, и хотѣла уже броситься въ его объятія, какъ вдругъ увидя возлѣ него Жіованни, поблѣднѣвшаго отъ живѣйшихъ чувствованій, вскрикнула, бросила на него взоръ, которымъ просила прощенія въ своемъ виновномъ заблужденіи и пономъ упала въ объятія его, которыя онъ съ нѣжностію простиралъ къ ней.

К О Н Е Ц Ъ.